

Сумерки богов

Автор:

Скотт Оден

Сумерки богов

Скотт Оден

Гримнир #2Шедевры фэнтези

1218 год. Древнее племя гётов платит оброк во имя Белого Христа, но их сердца и души по-прежнему принадлежат богам Асгарда. Вот только ни один человек не может служить двум господам безнаказанно. Ведомый призраками, прославленный крестоносец Конрад Белый решает искоренить северную ересь и направляется в поход, расправляясь с язычниками огнем и мечом. Но у этих земель есть защитник, и его зовут Гримнир. С помощью армии берсерков он развязывает настоящую войну не только против крестоносцев, но и против самих богов. Ведь здесь, рядом с озером Венерн, глубоко под землей, таится нечто, необходимое Одину, нечто, что лучше не трогать. И оно, напившись кровью убитых, теперь может проснуться.

Скотт Оден

Сумерки богов

Для Мидо и Анны:

Nulla tenaci invia est via[1 - Дорогу осилит идущий (лат.).]

Братья начнут

биться друг с другом,

родичи близкие
в распрях погибнут;
тягостно в мире,
великий блуд,
век мечей и секир,
треснут щиты,
век бурь и волков
до гибели мира;
щадить человек
человека не станет.

Старшая Эдда, Пророчество Вёльвы, стих 45[2 - Перевод А. И. Корсуна.]

И увидел я Ангела, сходящего с неба, который имел ключ от бездны и большую цепь в руке своей. Он взял дракона, змия древнего, который есть диавол и сатана, и сковал его на тысячу лет, и низверг его в бездну, и заключил его, и положил над ним печать, дабы не прельщал уже народы, доколе не окончится тысяча лет; после же сего ему должно быть освобождённым на малое время.

Откровение, 20: 1-3

Scott Oden

TWILIGHT OF THE GODS

Text Copyright © 2020 by Scott Oden

© Алина Ардисламова, перевод, 2023

© Михаил Емельянов, иллюстрация, 2023

Часть первая. Фимбулвинтер

1

Долина Гудбранна, центральная Норвегия

Поздняя осень 1217 года от Рождества Христова

На вершине невысокого холма, под небом цвета старого сланца, распростерлись мертвые тела. Все они были в растерзанных доспехах: кольчуги порваны, щиты сломаны, а шлемы расколоты на части свирепыми ударами. Не было им счёта, и лежали они не идеальными рядами, – так мертвецы лежат после того, как сталкиваются стены из щитов, а люди падают, словно колосья под лезвием жнеца, – а скорее кучками и буграми, будто сам Спутанный Бог, хитроумный Локи, решил наполнить землю прахом убитых норманнов. Их кровь смешивалась с другими телесными жидкостями, превращая ранний снег под ногами в алую кашу.

Холодный северный ветер стонал в вечнозеленых елях, окружавших холм. Он гремел древками копий, что росли из тел убитых как трупные цветы, их лезвия уходили корнями в животы и спины; он разрывал ткань сброшенных знамен. На некоторых была изображена голова волка на белом поле. На других, более многочисленных, красовался чёрный крест. Вдруг ветер стих; воцарилась абсолютная тишина.

Среди этого запустения мелькнуло движение. Великан с каштановыми волосами, одетый в драный пластинчатый доспех, вскочил на ноги, крепко сжимая в окровавленном кулаке зазубренный меч. От его дыхания шел пар, пока он пыхтел после напряжённой битвы. С его бороды капали кровь и слюна; запачканное алым лицо было обращено к небесам. Нетвердо стоя на ногах, великан переступил нагромождения трупов, обозначивших горнило битвы, и начал искать наверху малейший признак божьей милости к его победе – разрыв в облаках, луч света из небесного царства, хоть что-нибудь. Но перед ним раскинулось лишь бескрайнее тёмно-серое пространство, твёрдое, как арктические льды. Слезы навернулись на его глаза, и великан поднял меч рукоятью к небу.

– И-Иисус! – сказал он хриплым голосом. А затем громче: – Иисус!

– Он тебя не услышит, – протянул в ответ кто-то за его спиной.

Мужчина резко обернулся.

Из того же месива трупов поднялась женщина. Однорукая дочь Одина, чьё левое запястье заканчивалось железным кулаком, созданным специально для щита. Похожая на рубины кровь свернулась в звеньях её кольчуги – теперь изрубленной и рваной после всех этих схваток с копьями.

– Ульфрун Хаконардоттир, – произнёс великан, скалясь и шипя от гнева.

Женщина, Ульфрун, тяжело опёрлась на длинную дубовую рукоять топора. Здоровой рукой сняла то, что осталось от шлема, – он треснул по швам в том месте, где принял на себя смертоносный удар. Ульфрун отбросила его в сторону. Мокрые волосы цвета древесной золы рассыпались по её плечам.

– Хеймдул Клятвopеступник, – прорычала она.

– Женщина, у тебя больше жизней, чем у кошки! Я видел, как Гутрум нанёс тебе смертельную рану.

– Это? Так, детская игра, – ответила Ульфрун. – Твой Гутрум решил меня пощадить и умер за это.

– Тогда ему выделили славное место по правую руку от Христа, рядом со святыми и мучениками.

Громкий смех Ульфрун был похож на стук камней.

– Эта ложь тебя успокаивает, Клятвопреступник?

– Мои чресла опоясаны поясом истины, – сказал Хеймдул. Он хрустнул косточками в шее, сняв с плеч напряжение, затем ударил плоской стороной меча по каблуку своего подкованного сапога, сбивая кровавый ледяной налёт. – А на груди – знак правосудия.

Ульфрун подняла топор, его изогнутое лезвие было выковано из испанской стали, а рукоятку пересекали железные тяги.

– И эти лохмотья ты будешь носить со всеми своими псами, что сидят за дверями Вальхаллы и выпрашивают объедки со стола Всеотца! Вы повернулись к нему спиной! Разрушили его алтари, сожгли священные рощи, и ради чего? Чтобы ваш несчастный правитель получил корону, благословленную каким-то целующим крест идиотом в Риме? Нет, Хеймдул Клятвопреступник, ты скоро узнаешь правду!

– Языческая ведьма! У нас только один отец, и он – не одноглазая сказка, которую рассказывают детям! Один? Плевал я на твоего Одина! Я мочусь на твоего Одина! Я сын Божий, присягнувший Белому Христу!

Быстрее, чем можно было ожидать из-за его крупного тела, Хеймдул начал бой. Он взмахнул своим зазубренным клинком, стремясь нанести удар слева. Ульфрун не дрогнула. Она не уклонилась от свистящего клинка, который вот-вот мог оборвать её жизнь. Вместо этого шагнула вперед и поймала его костяшками пальцев своего железного кулака. Меч сверкнул и отскочил; лязг удара разнесся эхом по холму. Далеко на севере, из-за окутанных облаками вершин, словно в ответ донесся раскат грома. Ульфрун откинула голову назад, прислушиваясь к чему-то, что могла слышать только она, а потом обнажила зубы в свирепой улыбке, ничуть не смягчавшей жёсткие черты лица.

– Я же говорила, – сказала женщина, опуская взгляд, чтобы посмотреть на Хеймдула. Её голубые глаза мерцали ужасным магическим светом. – Твой

Пригвожденный Бог не слышит тебя.

Ульфрун Хаконардоттир – Ульфрун Железная Рука – была подобна буре. Она сражалась как волчица, в честь которой и была названа, её коварство и ловкость закаляли дикий дух, вплетенный на станке в клубок её жизни. Так же, как и у волчицы, её поджарые мышцы и крепкие сухожилия были не слабее мужских. Лезвие топора сверкнуло в бледном свете осени, и она яростно обрушивала удар за ударом на щит своего врага. Прерывистое дыхание, звенящий треск, скрежет и скольжение стали по железу были единственными звуками, пока она отбивала неуклюжие ответные удары Хеймдула и чуть не снесла ему голову. Его спас лишь поспешный прыжок назад.

Ульфрун дала ему минутную передышку – достаточно, чтобы почувствовать холодные руки Норн, пока те собирали распущенные нити его жизни, держа наготове ножницы. Хеймдул стоял в тени своей гибели и не видел её. Это было ясно написано в глубоких зарубках на его мече, в поту, что обжигал глаза, и в дрожащих конечностях. Он был так близок к краю пропасти, что ему даже не хватало дыхания воззвать к своему Пригвожденному Богу. Ульфрун окинула всё это взглядом... и рассмеялась.

Этот звук, язвительный женский упрёк, поразил Хеймдула так, как ни один физический удар. Он прошёл сквозь кольчугу и впился в кожу. Когда же проскользнул сквозь мышцы и кости, пронзил обнажённое сердце его хрупкой гордости, Ульфрун увидела, как Хеймдул поморщился. Она подумала, что в тот момент ему было ни до любви Белого Христа, ни до божественного спасения. Помнил ли он наставления этого так называемого Господа подставлять другую щеку и возлюбить врага своего? Нет. Лицо норманна налилось яростью. Тут не хватит никакого прощения. Эту боль могла исцелить только кровь. Кровь Ульфрун. Мужчина обнажил зубы в животной ухмылке. Побелевшие костяшки пальцев хрустнули, когда он обеими руками схватился за рукоять меча. И тогда Хеймдул с бессвязным криком ринулся в атаку.

Ульфрун остановила его на полпути. Ей не хотелось испытывать свою силу против него, потому что противник был подобен разъяренному, безумному быку. Нет, она просто уклонилась от удара, который наверняка смог бы рассечь её тело от макушки до промежности, а потом развернулась на носках, когда Хеймдул неуклюже прошёл мимо. Прежде чем он успел оценить обстановку, топор Ульфрун очертил узкую дугу; он попал высоко, у основания его черепа. Хрустнула кость. Хлынула кровь. И крик Хеймдула превратился в хриплое

бульканье. Его меч выпал из обессиленных рук.

Ульфрун ослабила хватку на рукояти топора.

Но даже с глубоко вонзившимся в позвоночник клинком пораженный норвежец продолжал идти, волоча ноги по взрыхленному и забрызганному кровью снегу. Он пошатнулся, наполовину обернулся и наконец рухнул на землю, как детская марионетка, у которой отрезали верёвочки.

Вновь воцарилась тишина.

С севера раздалось гулкое эхо грома.

Ульфрун выдохнула, а затем задышала часто и прерывисто. Пошатываясь, подошла к телу Хеймдула и здоровой рукой схватилась за рукоять топора. Ульфрун немного его раскачала, потом поставила ногу на затылок убитого и выдернула лезвие.

Кряхтя от усилия, она ударила его снова. И снова. С каждым ударом раздавался звук бойни – хруст хрящей и треск сухожилий, мягкое хлюпанье окровавленной ткани, разрывающейся под давлением стали, скрежет расщеплённых костей; на третьем голова Хеймдула отделилась от тела.

Ульфрун наклонилась и схватила ее за гриву спутанных от крови волос.

– Один! – взревела она, размахивая отрубленной головой своего врага в сторону северного горизонта. – Один! Смотри сюда! Смотри...

Она снова пошатнулась, когда внезапная болезненная усталость лишила её сил. Облака над головой кипели и пульсировали; вечнозеленые деревья раскачивались, как гибкие девы, танцующие под недоступную никому мелодию. На поле, где убийца встретил убийцу, остались только убитые... и они тоже кашляли и вздыхали перед её расплывчатым взором – море красного и белого, плоти, крови и разорванных кольчуг, чьи стальные края угрожали напасть на неё.

– О-Один!

Ульфрун Железная Рука прошла десяток шагов, прежде чем бледный свет солнца внезапно померк. Она опустилась на снежную корку, а затем повалилась набок, всё ещё держа волосы Хеймдула в своих пальцах. Она лежала неподвижно, и её накрыла темнота, словно уютное покрывало.

Она не знала, как долго так пролежала. Время не имело никакого значения. Минута, день, год, целая жизнь – всё было для неё одним, но мир вращался, ветер вздыхал, и вдалеке она слышала рокот грома, похожий на боевые барабаны Асгарда. Ульфрун неумолимо чувствовала, как жизнь снова возвращается в её тело. Она согнула замерзшие конечности, двигая мышцами и сухожилиями, несмотря на бесчисленные мучительные уколы, желая ослабить хватку пальцев на волосах мертвеца. Женщина медленно перевернулась на спину и открыла глаза. Наступила ночь, и сквозь разрывы в облаках мерцали мрачные зелёные огни.

Вздрагнув, она осознала, что не одна.

Ульфрун резко выпрямилась, вцепившись в оружие. В обрубке запястья внезапно вспыхнула острая боль; хотя прошли годы, воспоминание о сокрушительном ударе, отделившем её руку от тела, было достаточно сильным, чтобы сквозь стиснутые зубы вырвался вздох. Она зарычала от боли.

Рядом стояло зловещее существо, едва освещенное тусклым изумрудным светом, просачивающимся с небес. Оно имело очертания человека, хоть и сгорбленного и такого же искривленного, как посох, на который он опирался; незнакомец был одет в просторный плащ и низко надвинутую широкополую шляпу. Из крошечной тьмы сверкал единственный злобный глаз.

Ульфрун выругалась про себя. Она знала его, знала ещё с детства – с тех пор, как он выделил её среди других и наставил на путь величия. Она позвала, и он пришел. Серый Странник; Бог-Ворон; Бог повешенных; отец и предводитель асов.

– Я испачкала землю их кровью, Всеотец, – сказала она. – Кровью этих христолюбцев и клятвопреступников!

Из горла незнакомца вырвался низкий и безжалостный смешок.

– Все они ni?ings. Жалкие и развращенные. Приспешники Белого Христа наводняют Мидгард, как паразиты. – Его голос был резким и скрипучим. – Но час их гибели приближается.

Когда сочтены годы, девять на девять на девять,

И снова смрад войны веет как дыханье дракона;

Когда Фимбулвинтер скроет бледное солнце,

Чудовищный Змей будет корчиться в ярости.

Ульфрун села на корточки.

– Уже пора?

– Уже давно пора, дитя человека, – сказал странник. – Собери ?lfhe?nar и berserkir, сыновей Волка и сыновей Медведя, и ступай на землю Вороньих гётов. Белый Христос пошлёт и своего защитника, и там вам придётся вступить в битву. Но будьте готовы, – предостерёг незнакомец. – Наблюдайте за тем, как волк пожирает луну, и ждите, пока змеиные кольца сотрясут землю! И только тогда сможете постичь то, что ищите!

– Сарклунгр, – ответила Ульфрун поражённым шёпотом.

– О, могучий Ранящий клинок! Выкованный в тёмном пламени королевства карликов Нидавеллир и отданный твоему сородичу Сигфроду Вэльсунгу, чтобы отомстить дракону за убийство его народа. Даже сейчас он покоится под волнами озера Венерн.

Из великих глубин, из вод поднимается курган

Каменный зал Арана, где обитает

Отродье Ёрмунганда, Злостного Врага,

И гремят его жуткие кости, и предвещают конец.

– Достань клинок, Дочь раздора! Вытащи его из безжизненного черепа дракона и сражайся им против защитника Белого Христа! Разорви того на части! Сдери

плоть с его позвоночника и переруби все рёбра! Вытащи лёгкие из разорванного трупа! И пусть его кровь призовет сброд этого Пригвождённого Бога в Асгард!

– Покончим с ними раз и навсегда, – сказала Ульфрун сквозь стиснутые зубы, поднимаясь на ноги. Вдалеке прогрехотал гром, и, прежде чем его эхо успело затихнуть, Серый Странник исчез. Она осталась одна.

Ульфрун Железная Рука нетвёрдо подошла к тому месту, где лежал её топор, прислонённый к неподвижному трупу Хеймдула Клятвопреступника.

– Скоро, – пробормотала она, выпуская облако пара на холоде. – Скоро всё это закончится.

2

Земля Вороных гётов, северный берег озера Венерн

Начало весны 1218 года от Рождества Христова

Факелы мерцали, отбрасывая тонкий оранжевый отсвет на процессию, пока та двигалась через ряды ясеней и дубов. Трижды по девять мужчин и женщин спускались с увенчанной крепостью высот Храфнхауга – утёса в форме корабля, который люди называли Вороным холмом. Они шли в зловещем молчании. Это было не свадебное и не похоронное шествие, ведь не было звуков ни флейты, ни барабанов, ни пения, возвещающих о радости или скорби. Лишь звон боевой сбруи и скрип изношенной кожи; каждый носил на себе варварские великолепия ушедшей эпохи – древние кольчуги из бронзы и железа, волчьи шкуры и черепа, пояса из медной чешуи и нагрудные знаки из кованой меди. Северная бледность терялась под витиеватыми татуировками, сделанными из золы и вайды, под разводами и мазками сажи и пепла, которые придавали им особый вид – скорее звериный, чем человеческий. Руки с чёрными ногтями сжимали топоры и вложенные в ножны мечи или цепко держали увешанные перьями древки коротких копий.

Они шли по тропинке, ведущей к кромке воды, к ветхому причалу, где ждала маленькая лодка, крепко привязанная к деревянным сваям. Береговая линия образовывала естественный залив – глубокую бухту Скервик, где чёрные воды озера Венерн плескались о крутой, покрытый снегом склон Вороньего холма. Когда процессия приблизилась к причалу, мужчины и женщины расступились, чтобы позволить одному из них пройти вперед. Этот человек был мельче остальных, закутанный от макушки до икр в шкуру огромного серого волка, сверху которой всё ещё красовался череп. Голубые глаза, смотревшие из-под густых бровей зверя, казались угрюмыми и злыми.

Самая старшая из женщин, крепкая и седовласая, некогда воительница, кожа которой была испещрена больше шрамами, нежели морщинами, подошла к маленькой фигурке.

– Диса Дагрундоттир! – сказала она твёрдым как камень голосом. – Судьба призывает тебя. Она требует от тебя занять место в тени Человека в плаще. Ты принимаешь призыв?

Из-под волчьего черепа сверкнули глаза; маленькая фигура ничего не ответила.

– Принимаешь? – прогремела старуха, нахмурившись.

И Диса Дагрундоттир, которой в следующее новолуние исполнится шестнадцать лет, выпрямилась во весь рост и сбросила с плеч шкуру древнего зверя, от которой воняло потом, дымом и запёкшейся кровью. На ней была длинная чёрная туника, подпоясанная на талии и украшенная вышивкой из рун, выполненной серебряной нитью. Хотя девушка была маленькой и худой, у неё были пронзительные, голодные глаза хищницы. Как и у других присутствующих женщин, на правой щеке Дисы красовалась татуировка в виде ворона; это указывало на её принадлежность к древнему роду, на сестринство, столь же древнее, как сам Храфнхауг. Диса потрянула головой, отчего костяные амулеты с вырезанными рунами, вплетённые в её чёрные волосы, щёлкнули друг о друга, как нетерпеливые мысли.

– Принимаешь?

Тонкие губы Дисы растянулись в оскале, который говорил не столько об огне юности, сколько о давно лелеемой отвергнутой мечте. От резкого дыхания

девушки шёл пар.

– Да.

Старуха долго смотрела на Дису, пока висело неловкое молчание, её изуродованное лицо было непроницаемо. Наконец она кивнула.

– Тогда иди и докажи, что достойна, – на этом старуха сделала шаг назад.

Нахмурившись, Диса Дагрунсдоттир прошмыгнула мимо нее и направилась к концу причала. Затем запрыгнула в лодку и уселась на скамье на носу. Старуха махнула рукой; двое из процессии, мужчина и женщина, последовали за Дисой. Мужчина вскарабкался на борт и взял весла, а женщина отвязала веревки, крепко удерживающие лодку у причала, и толкнула; после чего прыгнула в лодку в последний момент и заняла место у румпеля.

С губ Дисы не сорвалось ни слова прощания; она злобно смотрела на сутулую старуху, пока весла вонзались в тёмные недра Скервика. Суденышко несло прочь, и единственными звуками были скрип дерева, шипение воды и гортанное дыхание гребца.

Мгновение – и лодка исчезла в туманной ночи.

Рядом со старухой встал мужчина. Крупный, с сединой в каштановой бороде, он сунул руки за свой расшитый золотом пояс и покачнулся на пятках.

– Если Человек в плаще отвергнет её, я всё ещё могу найти для Дисы место в своём доме. Что скажешь, Сигрун?

Старуха Сигрун искоса взглянула на мужчину. Его звали Хредель; цепь из витого золота на бычьей шее выдавала в нём влиятельного человека. Он был хозяином Храфнхауга и её вождем, но Сигрун знала его с детства – мягкого, сонного Хределя, который слишком много пил, всегда беспокоился и нянчился со своим единственным сыном так, как южные матроны – с дочерьми.

– Чтобы вы с сыном делили её между собой?

Хредель нахмурился.

– Не глупи. Я предлагаю от чистого сердца. У неё нет матери, отец погиб, но мой мальчик, Флоки, ею очарован. Если она вернётся...

– Если она вернётся, – сказала Сигрун, раздувая ноздри, – без мантии жрицы, тогда ей не будет места среди Дочерей Ворона.

– Ты же не хочешь изгнать собственную внучку?

Сигрун повернула голову; её свирепый взгляд пронзил и удержал Хределя, как копье охотника.

– Изгнать? Нет, Хредель, если Человек в плаще с позором пошлёт её обратно, Дису не спасёт что-то столь хрупкое, как родство. Если она потерпит неудачу, я своей же рукой прибую эту глупую девчонку.

Нос лодки вздымался в такт ударам гребца. Над головой сквозь рваные прорехи в облаках проглядывали звезды; ночь текла к концу. Скоро рассвет окрасит небо на востоке, и где же будет она? Диса сидела в тишине, обдумывая ответ, пока дальний берег медленно приближался, надвигаясь, как зловещее пророчество, от которого она не смогла убежать. Станет ли она тогда рабыней? Или вообще не доживёт до восхода?

В одном кулаке Диса сжимала гладкий камень с глубоко вырезанной руной – Дагаз. Его чернильный двойник всегда был с ней на плече, нанесённый рукой её отца, когда она была ещё младенцем. Эта руна... этот камень были основами её судьбы.

Как и священных рун, Дочерей Ворона было двадцать четыре. Ни больше ни меньше. Дети семей, основавших Храфнхауг, все Дочери носили татуировки рун, соответствующих первой букве их имени. Именно с помощью рун Судьба решала, кто из Дочерей будет служить жрицей Человеку в плаще, бессмертному вестнику Спутанного Бога, а кто – законодательницей и защитницей Храфнхауга.

Диса вспомнила предвкушение и страх, охватившие деревню неделю назад, когда охотники нашли старую жрицу – старуху по имени Колгрима – мёртвой у входа в ущелье, которое называлось Шрамом. Как старшей из Дочерей Ворона Сигрун, родной бабушке Дисы, пришлось наблюдать за выбором новой жрицы. Как казалось Дисе, это не так уж сложно: Сигрун собрала остальных двадцать три Дочери вместе у Вороньего камня в центре деревни. Она приказала одному юноше вскарабкаться по поверхности Камня и достать из ниши запечатанный глиняный горшок. Тот покоился в вырезанном углублении на вершине камня уже пятьдесят восемь лет – с того момента, как старая Колгрима приняла мантию жрицы. Горшок был лёгким и полым, а его поверхность со временем исцарапалась и потрепалась. Юноша осторожно передал его бабушке.

На глазах у Дисы и других Дочерей Сигрун разбила горшок, извлекла из осколков высеченный камень и подняла его в руке. Её руна – Дагаз. Все надежды Дисы рухнули в мгновение ока. Она не хотела служить Человеку в плаще. Больше всего она мечтала о мантии воительницы, совершать набеги на северян и данов, забирать у них скот и золото, орудовать мечом и копьём против вражеских Воронов. Она хотела, чтобы её имя произносили с благоговением, так же сильно, как и хотела привлечь внимание благословенной Фрейи, которая первая выбирала из числа убитых героев. Но нет. Боги быстро решили её судьбу, когда бабушка нашла плоский речной камень с вырезанной руной среди осколков тёмной глины, некогда соединявшихся в горшок, что десятилетиями покоился в нише. Она...

Киль лодки царапнул по каменистой гальке, что и была их пунктом назначения. Диса вздрогнула от этого звука. На столбе у кромки воды горел одинокий светильник. Девушка выдохнула, когда женщина на корме оставила румпель и подошла к ней.

– Пора, сестра, – сказала она, обнадеживающе положив руку на плечо девушке. Как и у Дисы, у женщины были чёрные волосы, с которых свисали амулеты, и татуировка ворона на высокой скуле. Белый шрам, пересекающий дважды сломанный нос, не смягчал черт её лица. Она явно познала ненастье Одина, а Диса познала ревность.

– Не терпится избавиться от меня, Ауда? – обозлилась Диса на прикосновение двоюродной сестры. Сбросив её руку, встала и перепрыгнула через борт лодки. Озеро здесь было мелким, ледяная вода плескалась у самых лодыжек. – Отправляйся обратно и просто брось меня!

Диса ударила по корпусу лодки и попыталась столкнуть её с гальки, но всё безуспешно. Раздражённая, она сплюнула и уже собиралась развернуться. Ауда наклонилась с носа и поймала Дису за руку. Железные пальцы потащили ту обратно.

– Если отправишься к нему с таким гневом, – прошипела старшая, – он отошлёт тебя назад без головы. Ты поняла? Забудь о подобных истериках сейчас же, или они будут стоять тебе жизни.

Человек, что стоял с вёслами – Хрут, любовник Ауды, – опустил голову и отвёл взгляд.

Какое-то время Диса молчала; смотрела себе под ноги на покрытую пеной гальку и тёмные, плещущиеся воды. Её плечи задрожали.

– Я не хочу этого, Ауда, – сказала она хриплым от сдерживаемого негодования голосом. – Старая ведьма послала меня сюда, чтобы я стала рабыней и умерла!

– И ты невероятно глупа, раз веришь в это, – ответила Ауда. – Думаешь, это дело рук Сигрун? Что она поместила твою руну в горшок целое поколение назад, когда была всего лишь ребёнком? Разве ты не видишь в этом руку Богов, Диса? Они выбрали тебя, дали возможность проявить себя... или провалиться. Если ты и умрёшь, то лишь потому, что не показала, что достойна их дара.

– Дара? Зови это своим именем, сестра: рабство! Боги приковали меня цепями к ногам Человека в плаще! Я не лучше тех, кто живёт и умирает во мраке! – Диса сжала кулаки; ей хотелось разгромить что-то, выплеснуть гнев, пока он не заполонил горло и не выдавил из неё жизнь. Ей хотелось закричать. – Где же здесь достоинство? Где слава?

– В тени Человека в плаще нет места мраку, сестра. В годы её жизни имя Колгримы сеяло страх от Уппсалы до Ютландии. Твоё же имя разлетится дальше. Даю тебе слово, – сказала Ауда.

– Как?

Женщина схватила прядь тёмных волос Дисы и игриво дёрнула.

– Начни с того, чтобы не ныть впустую, как испорченный ребёнок.

Диса глубоко вздохнула и расправила плечи. Она кивнула Ауде, хотя в котле её черепа кипела ещё сотня вопросов. Например: почему люди боялись Колгриму? Диса знала ту только как дряхлую старую каргу с позорной смертью. Как её имя разлетелось так далеко? Как ей самой добиться славы той, кто стала не просто служанкой непостижимого Человека в плаще? Но у Дисы хватало врожденной мудрости, чтобы понять, что здесь она не найдёт ответы. Ауда – не тот человек. Диса оглянулась через плечо на столб со светильником, на поверхности которого был грубо вырезан глаз – символ её будущего хозяина. А за ним увидела начало вымощенной камнем дорожки под снежным покровом. Та вела в глубь острова... Но куда? К чему? К славе? Смерти? Бессмертию? Или простому рабству, пока тяжесть прожитых лет не заставит её споткнуться на проторенной тропе и провалиться во мрак и неглубокую могилу?

– Может, ты и права, сестра, – сказала Диса, снова поворачиваясь лицом к Ауде. – Может, я и правда избалованный ребёнок. Но, может, я злюсь только потому, что хотела бы хоть как-то контролировать свою судьбу сама.

– Как и все мы.

Ауда наклонилась у края лодки и вытащила накрытую тканью корзину, в которой были подношения Храфнхауга Человеку в плаще: ломтики копченого мяса и рыбы, ячменный хлеб, твёрдый сыр, сушёные яблоки, горшки с прошлогодним мёдом, кусочки серебра и золота и исписанные пергаменты с перечнем проблем, с которыми нужно разобраться, – от споров о границах до кровной мести. Диса взяла корзину и аккуратно поставила на берег.

– Иди, сестра, и возвращайся в милости Человека в плаще.

Женщины пересеклись взглядами; между ними промелькнуло понимание, какое-то общее знание, а затем Диса упёрлась плечом и оттолкнула киль лодки от гальки. Диса смотрела, как Хрут отступает от воды; как лицо сестры мерцает белизной в заснеженной темноте; как оно растворяется в ночи.

– Или не возвращайся вообще, – закончила за неё Диса, хоть этого никто не услышал. Затем выдохнула, выпуская облако пара, и повернулась. Пришло время

разобраться в своей судьбе. А также избавиться от беспокойства из-за незнания. Кивнув самой себе, Диса сунула камень с руной в мешочек на поясе и подхватила корзину. Зашагав к началу дорожки, Диса Дагрунсдоттир отправилась в глубь острова.

Она прошла половину лиги, поднимаясь по дорожке между заснеженными деревьями и огибая огромные валуны. Она видела эту тропу не первый раз; два года назад ей доводилось ступать по ней за сыном ярла Хределя, Флоки, чтобы своими глазами увидеть границу между их миром и Старшим миром. Древний договор гласил, что любому, кто пересечёт эту границу, уготована смерть, не считая жрицы Человека в плаще. Только она могла подойти к нему, только она могла смотреть на него, только она могла говорить с ним. Насколько знала Диса, Человек в плаще никогда даже не ступал на Храфнхауг, несмотря на то что был его защитником. Никто из живых, кроме Колгримы, никогда его не видел. Конечно же, ходили слухи. Ярл Хредель хвастался, что видел его в детстве, высокого и неприступного; Ауда утверждала, что видела его возле моста через реку Хведрунг, на границе их территории – тёмную фигуру с оленьими рогами, чье лицо напоминало голую кость; и ещё дюжина других людей рассказывали ту же историю. Все, кроме Сигрун. Эта старая ведьма хранила молчание, хотя её поколение последнее сражалось за границами Храфнхауга. Казалось бы, ей точно довелось его видеть?

Диса задавалась вопросом: действительно ли он был неподвластен сознанию смертных, как утверждали легенды – бессмертный ульфхеднар, мрачный и непостижимый? Или «Человек в плаще» – просто титул, который носит череда местных драчунов; мантия, в которую облачаются скальды и передают от отца к сыну? Диса с трепетом задавалась вопросом, входит ли в обязанности жрицы рождение сыновей. Если и так, это соглашение столь же старо, как сам Храфнхауг.

На вершине холма лежал пограничный камень – на поляне под открытым небом. Диса остановилась и огляделась вокруг. До рассвета оставалось больше часа. Землю накрывала тяжелая пелена облаков; крупные хлопья снега, кружась, падали и шипели в жирном оранжевом пламени горевшего факела. Позади Диса видела воды залива Скервика, а за ним – слабое мерцание огней на вершине Вороньего холма; тропинка впереди спускалась в глубокую долину. Диса приблизилась к пограничному камню – фантому высотой по пояс, на котором было слабое подобие сидящей на корточках фигуры, возможно тролля или

какого-то ландветтира. Старые горшки для подношений лежали у его ног, потрескавшиеся и разбитые; в цепкие руки были вложены куски древесины с выгравированными рунами и древний пергамент. На мгновение Диса задумалась, что произойдет, если она просто бросит корзину и уйдёт, если откажется от чести служить Человеку в плаще. Возвращайся в его милости или не возвращайся вообще. Сколько она проживёт в лесу как варг, беглянка? «Недолго», – решила она.

Диса крепче ухватилась за корзину. А затем, затаив дыхание, переступила границу и шагнула в тень древности.

Ничего не произошло.

Она выдохнула.

Её ощущения не изменились, ничто не выдавало перехода. Небо осталось прежним, как и земля под ногами. Ничего из того, о чём предупреждал её Флоки, не произошло – ни молнии, ни грома, ни духа-стражника, требующего плату, ни испытания того, достойна ли она тут находится. Лишь ветер гулял у озера, а сверху легко сыпались снежинки.

– Флоки, ах ты врунишка.

В её волосах звякнули бусины, когда она пожала плечами и продолжила свой путь. Диса спустилась в долину; если бы не столбы с гаснущими факелами, она бы точно заблудилась. Несмотря на слабый свет, Диса очень осторожно следила за дорогой, высматривая размытую колею, спутанные корни и осыпь. Через четверть часа услышала бульканье и плеск воды и уловила резкий землистый запах трясины. А за ним был более зловещий запах – тот, что она знала ещё с детства, когда её отец возвращался с охоты: дым, засохшая кровь и потроха.

Ей нужно было дойти до конца долины, в самое сердце трясины, которая через расщелины и ущелья стекала в тёмные воды озера Венерн. Вытопанная тропинка закончилась, и дорожка из брёвен привела к небольшому пригорку. Факелы освещали дорогу, их было даже больше на вершине холма, где стоял старинный общий дом, как часовой из ушедшей эпохи.

Несмотря на то что строение в значительной степени скрывал покров ночи, света факелов хватило, чтобы дать Дисе представление о его размерах и величии. Огромные резные столбы из почерневшего от времени дерева поддерживали крышу из замшелой дранки, похожей на чешую огромной змеи. Дым просачивался из кладовой на крыше. Взгляд Дисы привлекло крыльцо, образованное парой балок, нависающих над фронтоном, их концы были вырезаны в форме дракона и рычащего волка, а под ними зиял вход внутрь.

Девушка вздрогнула и вцепилась в свою корзину, словно это был талисман, способный защитить её. Холодный пот страха скользнул по спине, забирая с собой решимость; Диса почувствовала на себе чей-то взгляд. Злой. Невидимый.

«Это твоё место, – сказала она про себя. – Это твоё место. Ты жрица Человека в плаще». И так, поборов свой страх неизвестности и собрав волю в кулак, она смогла поставить ногу на деревянную дорожку. А затем вторую. Опять же, из темноты никто не выскочил, чтобы сразиться с ней. Тени плясали в дрожащем свете факелов, и Дисе всё так же казалось, что за ней наблюдают.

Она медленно подошла к подножию холма. Колья и копья торчали из влажной, глинистой почвы вокруг; на некоторых развевались изодранные знамена кланов, которых уже давно не было на севере. На других были жуткие напоминания о том, что Человек в плаще защищает земли Вороньих гётов: черепа из голых костей рядом с отрубленными головами на разных стадиях разложения. Она чувствовала запах насилия, похожий на мускус какого-то дикого зверя, который поднимался от трупов, наполовину погребённых в болоте, – пятна беловато-синей плоти в сыром подлеске, ржавые шлемы и доспехи, гниющие щиты и сломанные клинки. Оглядевшись, Диса осознала правду: ей придётся служить не простому человеку.

Это твоё место. Ты жрица Человека в плаще. На какой-то момент, пока Дису окружали запахи и картины смерти, эта мысль принесла с собой чувство отчаяния. Это твоё место. Так сказали Боги. До конца своих дней ты будешь жить в тени – прислужница, что трудится на вестника Спутанного Бога. Ты станешь свидетельницей нечеловеческих тварей, которые сопят на пороге мира, чтобы народ Храфнхауга мог спокойно спать по ночам. Но Диса покачала головой, бусины снова зазвенели, и отбросила нависающую безнадёгу. Нет!

– Я сама буду творить свою судьбу, – сказала она вслух, её голос прорезал зловещую тишину. И с новым чувством долга Диса поставила одну худую ногу на

нижнюю ступень, ведущую к крыльцу дома...

И остановилась. Её позвоночник окоченел от страха. Ибо позади Диса Дагрундоттир услышала холодный, невесёлый смешок, такой же резкий, как падение камней в открытую могилу. А после послышался явно нечеловеческий голос:

– Неужели? И какой же будет эта судьба, а? Смерть потерянной птички, которую отправят в котёл? Нар, после того, как я сдеру с тебя кожу и разделаю на части, от тебя не останется и кусочка мяса.

3

Диса сняла ногу со ступени и начала поворачиваться, чтобы увидеть лицо того, от чьего голоса у неё всё заledenело. Но невидимые пальцы схватили её у основания шеи. Девушка дёрнулась, когда услышала знакомый звук – зловещее шипение железа о кожу.

– Двинешься, и я тебя вздёрну, тварь! – прошипела фигура за её спиной с горячим и зловонным дыханием. Диса услышала шмыганье носом, будто фигура пыталась определить её намерения по запаху. – Где та старая карга, с которой я обычно разговариваю, а? Ты держишь её корзину, так что должна знать. Или ты украла её и решила пробраться на мою землю забавы ради?

– Она... она мертва, – ответила Диса дрожащим голосом. – Колгрима умерла. Наши охотники нашли её три дня назад на дне Шрама.

Пальцы сжали шею сильнее. Острые ногти впились в кожу. В дюймах от её правого уха раздался громкий звук, что-то между кашлем и ругательством.

– Фо! Тогда кто ты такая?

– Я... новая жрица Человека в плаще. Я...

Она замолчала, когда в поле её зрения попало острие длинного ножа, лезвие которого было расписано плавными серо-чёрными завитками. Рука с чёрными ногтями, что держала нож, была цвета старого сланца, испещрённая тёмными венами и сухожилиями; среди паутины пепельных шрамов Диса увидела единственную татуировку между большим и указательным пальцами – традиционный глаз из выцветшей киновари. Одним движением кисти фигура сбила крышку корзины. Диса услышала новое шмыганье, а за ним – тихий смешок.

– Что, маленькая тварь?

– Я... – Диса Дагрундоттир закрыла глаза и вдохнула поглубже, продираясь сквозь цепкие завитки страха, пока не нашла холодную твёрдую сердцевину своего гнева. Она снова увидела неодобрительный взгляд бабушки, которая сияла в глазах своего народа словно валькирия; она снова услышала шепот сестёр, других Дочерей Ворона, которые считали её всего лишь глупой девчонкой, недостойной этой так называемой чести; она снова увидела выражение печали в глазах Флоки, которое отражалось и в глазах старого Хределя, все его надежды о женитьбе сына на внучке Сигрун рухнули. Она ухватила за эту сердцевину гнева и сжала. Диса открыла глаза.

– Я здесь по воле Судьбы, ты, скотина! – сказала она. – Отпусти меня и отойди в сторону! А ещё лучше – освободи и проводи к своему хозяину!

– Ого! Моему хозяину, да? – сказала фигура насмешливым голосом. – Ты ищешь моего хозяина? Тогда хорошо. Идём, птичка, и поскорее! Мой хозяин не любит ждать.

Рука, обхватившая её за шею, подтолкнула вперёд. Диса споткнулась, но смогла удержаться на ногах. Что касается фигуры, то всё, что Дисе удалось увидеть, пока та пронеслась мимо и взбежала по ступенькам в дом, был развевающийся плащ из волчьих шкур и грива чёрных, заплетённых в косы волос, украшенных бусинами из костей и серебра.

Диса выругалась под нос и последовала за ним, хоть и медленнее. Она добралась до крыльца под фронтоном, что держался на резных столбах, и увидела, что дверь дома открыта. Девушка остановилась в красноватом свете порога, морщась от исходящего оттуда зловония. Это была смесь пота, дыма,

медного привкуса крови и дикой вони немытых шкур животных. Диса выдохнула.

– Халла! – заорала фигура из дома. – Халла, поberi тебя Имир! Где ты?

Осторожно, словно воин, ступающий на вражескую территорию, Диса зашла в дом. Он почти не отличался от общего дома в Храфнхауге. Столбы из грубо отёсанного дерева тянулись в два ряда по всему залу, поддерживая балки крыши в паутине и пыли. Пол представлял собой плотно утрамбованную землю, покрытую ковром из старой золы, кусков шлака и окалины, а приподнятые платформы слева и справа были местами для отдыха, сна или трапезы. Длинная каменная выемка для огня занимала половину длины дома. От тлеющих углей на дне выемки исходил удушающий жар.

Диса оглядела владения Человека в плаще при тусклом успокаивающем свете. Она ожидала чего-то строгого, торжественного, вроде священной ограды в Старой Уппсале – теперь, благодаря последователям Пригвожденного Бога, от той остались лишь пепел и воспоминания. Диса представляла подобие храма; реальность же была похожа на логово тролля или убежище жадного до сокровищ дракона: с каждой стороны в тлеющем свете мерцали золото и серебро – ожерелья и кольца, изошрённые цепи и чеканные монеты, погнутые тарелки для подношений и осколки алтаря; также там виднелись бронза и красный блеск меди. Среди этой добычи лежали военные трофеи: мечи и кинжалы с простыми рукоятями, большие булавы, франкские топоры на древках из старого дуба и такие старые копья, что древки из ясеня уже покоробились; к центральным стойкам были прислонены щиты – одни круглые, другие в форме перевернутых капель; кольчуги в ржавых пятнах лежали поверх древних нагрудников с выгравированными орлами мёртвой империи; шкуры волка и медведя, порванные и запятнанные кровью гамбезоны, мириады поясов и ножен – всё это копилось от вековых убийств.

– Халла, проклятие!

Диса нашла фигуру, которая угрожала ей снаружи. Та смотрела на неё через огонь, наклонив голову, правый глаз был похож на горящий уголёк, а левый был цвета старой кости. Мрачное лицо оказалось острым и худым, как у голодного волка, с выступающим подбородком, тяжёлыми скулами и морщинистым лбом. Переносицу пересекал неровный шрам, тянувшийся через левый глаз до самых кос из жёстких чёрных волос, украшенных бусинками из золота и кости.

– Ты... – проговорила Диса, – ты не человек!

Тонкие губы существа растянулись и показали острые жёлтые зубы.

– За что ты, грязная свинья, должна быть благодарна, – последовал ответ. Он откинулся на спинку похожего на трон кресла, стоявшего в центре дома, и вытянул перед собой кривые ноги с узловатыми мышцами. На нём были подкованные норвежские сапоги, килт из красновато-коричневого полотна и полосок кожи с железными шипами и бронзовый нагрудник, почти почерневший от времени. Пластина, закрывающая живот, с выгравированными на ней мышцами была разрезана ниже середины грудины и заменена заклепками из кольчуги и кожи. На боевом поясе саксонского принца, сделанном из тонкой широкой кожи с застёжками из резной меди и красного золота, висел тот самый охотничий нож в ножнах и франкский топор.

– Что ты такое?

Существо наклонилось вперёд, раздув ноздри.

– Твой хозяин, птичка.

Диса замерла.

– Ты – Человек в плаще?

– Халла!

– Я здесь, – ответил жуткий голос из тени позади существа.

Диса уловила бледное мерцание плоти, когда к ней медленно приблизилась горбатая старуха, изгнанная ведьма, живущая в полумраке стен общего дома. На ней было рваное зелёное платье и не было обуви, видимо, её почерневшие ноги привыкли к болотному холоду. Её тонкие губы скривились в гримасе, а глаза – два туманных шара, обрамлённых пепельно-серыми волосками – уставились на Дису немигающим взглядом. Когда старуха снова заговорила, у неё был голос девушки, едва вышедшей из детства.

– Его зовут по-разному, дитя, – сказала она. – Глашатай смерти, Жизнекрушитель, Предвестник ночи, сын Волка и брат Змея. Ты узрела последнего из каунаров, дитя. Последнего сына Балегира, оставленного бедствовать в Мидгарде. Он – Гримнир, и он – всё, что стоит между вами и поющими псалмы ордами Пригвождённого Бога.

И Гримнир – чьё имя значило Человек в плаще – откинулся назад и ухмыльнулся в ответ на замешательство, отразившееся на лице девушки.

Диса потеряла дар речи. В её сознании возник вопрос, не перешла ли она в царство кошмаров, когда переступила через пограничный камень на вершине холма. Всё было не так, как говорили ей старшие, – хотя теперь она понимала, почему только один человек служил этому существу, которое называло себя Человеком в плаще. Стали бы люди Храфнхауга мириться с тем, что их защищает зверь? И держали бы свои мечи в ножнах даже сейчас, если бы знали, кто именно разрешал их споры? Она смотрела, разинув рот, и пыталась собрать кусочки того, что знала и видела, в какой-то логичный ответ.

– Он... Ты – бессмертный вестник Спутанного Бога? Ты – тот, кто защищает Храфнхауг, кто служит нашим законодателем? Ты?

Ухмылка Гримнира превратилась в оскал.

– Да, я. И в ответ почти ничего не получаю! Какие-то объедки и горстка золота, и всё за что? Чтобы вы, вонючие твари, спокойно спали?

– Тогда зачем ты это делаешь? – перевела взгляд Диса с Гримнира на Халлу. – Зачем ты защищаешь нас, если тебе это не нужно?

На это Гримнир хмыкнул. Он пересел иначе, празднично водя чёрным ногтем по старой резьбе на подлокотнике стула.

– Хватит болтать, неси сюда корзину, птичка, – сказал он после неловкой паузы. – И поживее! Я хочу поесть что-то кроме супа из поганок и заплесневелого хлеба этой карги!

Неуверенными шагами Диса подошла к его стулу и протянула корзину. Она была достаточно близко, чтобы разглядеть татуировки, змеящиеся по скрюченным узловатым рукам – змеи и вереск, извивающиеся среди паутины старых шрамов; руны из золы и вайды, предсказывающие гибель врагов. Мощные плечи украшали кольца из золота, серебра и кованого железа. Что-то пробормотав, он выхватил корзину из рук Дисы.

Гримнир поставил корзину на пол перед собой и склонился, его здоровый глаз сиял, пока он просматривал содержимое. Свёрнутые пергаменты, не раздумывая, бросил Халле, а затем сразу же принялся за мёд и копченую свинину.

Он откупорил фляжку зубами, выплюнул деревянную пробку в огонь и сделал большой глоток, опустив её только после того, как половина жидкости попала ему в глотку. Гримнир порывисто вздохнул; он вытер ручеёк медовухи с подбородка тыльной стороной ладони и откинулся на спинку стула, грызя сустав копчёного окорока.

Диса почувствовала, как сморщенные пальцы Халлы тянут её сзади за тунику. Диса нахмурилась и смахнула руку старухи.

– Колгрима мертва? – спросила Халла.

Диса кивнула.

– Мы нашли её три дня назад у устья Шрама, там он впадает в Скервик. Судя по следам, она что-то искала. – Девушка заметила резкий взгляд Гримнира в сторону старухи. Лоб Дисы едва заметно наморщился. Что они скрывают?

– Какая на тебе руна?

Диса вытащила камень с руной из мешочка на поясе и протянула Халле. Старуха взяла камень в руку и склонилась над ним, её длинные пальцы так и подрагивали.

– Дагаз... – выдохнула она, её мутные глаза закатились вверх, и она прошипела гипнотическим голосом: – Руна дня, предвестник катастрофических перемен –

свет, сжигающий тьму. Бесконечная зима подходит к концу. Волк, чьё имя Насмешка, следует по пятам за Солом, что ведёт Колесницу Солнца! Скоро Змей начнёт извиваться! И Дракон...

– Нар! – рывкнул Гримнир и бросил свиную кость в голову Халлы. – Возьми себя в руки, ведьма!

Старуха задрожала и отвернулась, не переставая бормотать и смотреть на камень с руной, зажатый в трясущихся руках.

– Дракон... кости Дракона...

Здоровый глаз Гримнира метнулся к Дисе; а она же глядела на обоих так, словно те были всего лишь дешёвыми шутами, которым хорошо заплатили за то, что те выставили наивных людей Храфнхауга идиотами. Он презрительно фыркнул и отвернулся, бросив:

– Убери это выражение со своего лица, птичка, пока я не...

– Диса, – оборвала она его.

Внезапно предупреждение Ауды, её совет Дисе обуздать свой нрав, чтобы не поплатиться головой, исчезли, как якорный канат в глубине; подобно плоту, отданному на потеху буре, едва сдерживаемый гнев сорвался с привязи. Она не станет их молчаливой приспешницей. Не как Колгрима, не как десятки других так называемых жриц, что были до неё.

– Меня зовут Диса, ты, злобная скотина! Я – дочь Дагрун Сигрунсдоттир, которая была убита в бою с данами и христианскими хозяевами в прибое Скагеррака! Моя мать умерла, чтобы не пустить на наши земли этих несчастных псалмопевцов, потому что такова была воля Спутанного Бога – по крайней мере, так сказала нам Колгрима. Но это просто ложь, ведь так? – девушка гневно ткнула пальцем в сторону пергаментов, отложенных Халлой. – Как и то, что ты – законодатель Храфнхауга, когда ты даже не удосуживаешься взглянуть на жалобы моего народа! А то, что ты наш защитник? Это третья ложь? Скорее уж стервятник! Неужели моя мать умерла лишь для того, чтобы ты обглодал трупы мёртвых христиан?

Произнося эти слова, Диса почувствовала, как ледяные когти страха сомкнулись у неё на горле. Её глаза округлились; она не смела ни пошевелиться, ни даже вдохнуть.

В доме стало холодно и тихо. Даже дым застыл в воздухе. Сухожилия на шее Гримнира затрещали, когда он медленно повернул голову в сторону Дисы. На мёртвой жёлтой кости его левого глаза был круг из глубоко выгравированных рун, инкрустированных серебром вместо радужки, а правый пылал огненным гневом.

Гримнир втянул воздух сквозь зубы и выплюнул:

– Как я погляжу, язык у тебя проворный, птичка. А как насчёт ног?

– Я... – задрожала Диса, – я н-не?..

Но ей ответила Халла.

– Беги, дитя.

– Да, беги! – прорычал Гримнир. – Я даже устрою тебе игру! Досчитай до десяти.

Справедливости ради, Дисе не надо было повторять трижды. Хоть страх и сковал её позвоночник, сжимая живот так, словно все внутренности оказались в кулаке, он не прибил её к земле. Как и не затуманил рассудок.

– Один, – прошипел Гримнир сквозь сжатые зубы. – Два.

Диса плюнула под ноги Гримниру, повернулась и бросилась к двери. Она остановилась на счёт «три» и схватила топор из кучи оружия у двери. Дубовая рукоятка была длиной с её предплечье, а торчащее навершие казалось не больше мужского кулака. Она рискнула оглянуться на Гримнира, который наклонился вперед на стуле и вцепился в подлокотники так, словно они были конечностями врага.

– Четыре.

Диса позволила уголкам губ приподняться в подобии улыбки, а затем исчезла. Она сама будет писать свою судьбу. И если её ждёт смерть, то она не уйдёт без боя.

– Пять, – пробормотала Диса, стараясь подстроиться под счёт Гримнира. Она сбежала с крыльца, едва ли касаясь ногами ступенек. Внизу она замерла, сжимая двумя руками топор. До рассвета оставалось меньше часа, на вершине ближайшего столба погас ещё один факел, от его дымящейся головки всё ещё слабо пахло серой и известью.

– Шесть.

В глубине души Диса знала, что не сбежит. У Гримнира были большие лёгкие и жилистые конечности охотника, а также широкие, подрагивающие ноздри ищейки. На мгновение она позволила почувствовать жалость к себе. Будь проклят мой язык без костей! Но она подавила эти мысли, пока не поддалась отчаянию. Если она не сможет сбежать, придётся брать хитростью.

– Семь.

Хоть они и ненавидели друг друга, бабушка учила ее не быть жертвой. Диса знала, как сбегать и обманывать ищеек, как устраивать засады и как сильно бить до того, как ударят её, ведь шанс будет всего один. Диса кинулась направо, во мрак угаснувшего факела, и побежала вдоль подножия холма по тропинке, заросшей сухими сорняками и крапивой.

– Восемь, – выдохнула она, пройдя половину.

От болота шло густое зловоние – грязь и гниль вперемешку с разлагающимся мясом и отходами. Не останавливаясь, Диса побежала вверх по склону. У основания дома рос древний ясень, его ствол был узловатым и согнутым, как тело старика; ухватившись за корни и пучки травы, она забралась наверх и спряталась в его тени.

– Девять.

Диса легла ничком. Сырой холод и вонь, высокая трава и узловатый ясень, чернильная тьма до первых лучей солнца – всё это делало её почти невидимой. Её взгляд не отпускал фасад дома. Она следила за своим дыханием, сначала вдыхая, а потом медленно и размеренно выдыхая. Из рта выходил пар. На мгновение девушка задумалась, спасут ли ей жизнь суровые уроки Сигрун.

– Десять.

И, застыв в холодной тьме с топором в руках, Диса Дагрунсдоттир ждала.

– Десять, – выплюнул Гримнир хрящ от куска мяса и тяжело встал. Допив медовуху и выругавшись, он швырнул пустую глиняную флягу в самое сердца костра. Тлеющие угли взорвались. Халла смотрела, как они кружатся во влажном воздухе, словно пророческие звёзды.

Гримнир схватился за рукоять своего ножа.

– Я пошлю им её голову, и, может, в следующий раз эти грязные крысы пришлют мне жрицу, которая знает, что такое уважение!

– Тебе нельзя её трогать, – сказала Халла, поймав его за руку.

– Правда? – вырвался Гримнир из её хватки. – Я не буду просто сидеть, пока меня оскорбляет какая-то мерзавка!

Раздался звон бронзы, когда он стукнул себя костяшками пальцев по доспехам на груди.

– Меня! После всего, что я для них сделал! Они служат мне! А не наоборот! И пора бы им это напомнить!

– Убьёшь её, – сказала Халла, – и убьёшь нас всех.

Брови Гримнира сошлись на переносице, а здоровый глаз тлел подобно раскалённому кузнечному горну.

– Что ты несёшь?

– Она – Дагаз! – прошипела Халла. Старуха наклонилась вперёд, и её мутные глаза тоже горели страстью. У нее было особое зрение, дар, ставший более могущественным благодаря крови тролдволоков – троллей – бурлящей в жилах. – На ней последняя руна! Как ты не понимаешь? Цикл закончится на ней. Если убьёшь её, то прервёшь цикл и пророчество исполнится!

– Отстань, старая карга! – фыркнул Гримнир и отвернулся. – Опять со своими клятыми пророчествами! Я тысячу раз говорил тебе, что век пророчеств и знамений давно закончился! Теперь всё иначе! Это мир Пригвождённого Бога. А все остальные... мы просто монстры, живущие во мраке и ожидающие расплаты своего проклятого бога!

– Тогда ответь на её вопрос, скрелинг, – сказала Халла, используя имя народа Гримнира, которое им дали древние даны. Гримнир остановился и медленно повернулся. Халла продолжила как ни в чём не бывало. – Ты бродишь в тени Вороньего холма трижды по сотне лет, как и старый Гиф до тебя, убивая врагов и принимая их жертвы. Ты играл роль их Человека в плаще, и всё для чего? Если прошлое не вернуть, зачем ты здесь?

– Ты знаешь зачем, – прорычал он.

– Я хочу услышать это из твоих уст! – детский голос Халлы стал ещё более зловещим. По дому эхом раздалось гортанное пение:

Когда сочтены годы, девять на девять на девять,

И снова смрад войны веет как дыханье дракона;

Когда Фимбулвинтер скроет бледное солнце,

Чудовищный Змей будет корчиться в ярости.

Гримнир зашагал вперёд.

– Попридержи язык, ведьма!

Но Халла выпрямилась во весь свой незначительный рост, смахнув непослушные серебряные локоны с упрямого лица, и продолжила:

Сколь громко воет на игрушку Двалина.

Оковы разорвутся, и волк вырвется на свободу;

Тёмнорылый пожиратель скакуна, несущего свет.

И в объятиях Венерна земля расколется на части.

Из великих глубин, из вод поднимается курган

Каменный зал Арана, где обитает

Отродье Ёрмунганда, Злостного Врага,

И гремят его жуткие кости, и предвещают конец.

– Я сказал, закрой свой вонючий рот!

Два шага, и Гримнир оказался на расстоянии вытянутой руки от Халлы и замахнулся. Он ударил её по щеке тыльной стороной своего узловатого кулака. Любой человек, пошатываясь, шагнул бы назад, зажимая сломанную челюсть... или шею. Но Халла, произошедшая из чресел Ярнвидьи, королевы троллей древнего Миркvida, легендарного темного леса, гордо приняла удар. Её прищуренные глаза налились мутным огнём, когда она повернула голову и выплюнула почерневший осколок зуба.

– Ты знаешь последнюю строфу, сын Балегира, – сказала она, вытирая рот тыльной стороной руки. – Что там?

– Фо! – прорычал Гримнир и отвернулся. Но затем добавил тусклым, как сломанная дудка, голосом:

Волк сразится с Волчицей в тени Ворона;

Век топора и век меча, когда День перейдёт в Ночь.

И сыновья Имира будут плясать, когда Гьяллархорн

Ознаменует гибель народа Пригвождённого Бога.

Халла кивнула.

– Ты здесь, – тихо сказала она, – потому что веришь в пророчество.

– Верю? Да, я знаю, что там есть капля правды, ведьма, – ответил Гримнир. – Но также знаю, что правда не так проста, как эти проклятые висы! Думаешь, я решил жить среди этих свиней и быть защитником деревни недоумков, потому что какой-то скальд сочинил пророчество из обрывков истории? Ха! Ты совсем выжила из ума, карга! – Затем Гримнир ткнул пальцем в открытую дверь. – А теперь хватит болтать. Мне нужно поймать одну птичку.

– Оставь её, – сказала Халла. – Она – Дагаз, глупец. Она День, что следует после Ночи...

– Глупец, да? – Обернулся к ней Гримнир. – Дай-ка я скажу то, что способна понять даже изъеденная червями каша в твоей черепушке. Твоё драгоценное пророчество? Может, оно и правдиво, но это не значит, что оно созреет и даст плоды! Всё зависит не только от старой песенки.

– А от чего?

Глаз Гримнира сверкнул старинной ненавистью.

– От клятв, – прошипел он. – Клятв на крови и костях. Во имя Хитреца, Отца Локи, и ледобородого Имира, владыки великанов. Клятв мести, сплетённых задолго до того, как одна навозная свинья пробормотала о том, что годы складываются девять на девять на девять. Грядут мрачные дни, ведьма. И с ними придёт правосудие и расплата... Правосудие для Радболга, моего сородича, и для Скрикьи, что дала мне жизнь. А расплата ждёт этого скользкого угря, на которого ты возлагаешь надежды, этого так называемого Злобного дракона!

Лицо Халлы превратилось в маску гнева.

– Ты предашь свой же народ? И встанешь с отребьем Пригвождённого Бога?

– Мой народ? Ага! Где была ты и другое отродье троллей Мирквида, когда твой драгоценный дракон напал на Оркхауг, а? После того как Балегир пал при Маг Туиред? – Гримнир сплюнул, вспоминая катастрофическую битву в далёкой Ирландии, где погиб его отец, сражаясь с вестальфарами, западными эльфами Эриу. – А, точно, я вспомнил: вы прятались в пещерах со своими зельями и снадобьями! Я верен своему народу, карга, хоть и остался последним. А что до псалмопевцов и их Пригвождённого Бога, эти скоты прямо как черви! Убьёшь одного, появится ещё пять! – издевательски фыркнул он. – Они точно останутся, и ни одно пророчество этого не изменит. Так что привыкай.

Халла отвернулась, не сводя глаз с руны, зажатой в скрюченных пальцах.

– Посмотрим. Пророчество правдиво. Хоть с клятвами, хоть без, оно может переделать мир.

Гримнир ненадолго уставился на неё с непроницаемым выражением лица, а потом склонил голову и сплюнул. Раздувая ноздри, он вылетел из дома, чтобы выследить улетевшую птичку.

– Не тронь её, скрелинг! – закричала Халла ему вслед. – Ты меня слышишь? Она – часть пророчества!

Диса досчитала до двадцати, потом до тридцати; когда счёт доходил уже до пятидесяти, она решила встать. Холодная сырость земли просочилась через ткань её туники; это вкупе с болезненным параличом, что пришёл вслед за паникой, заставило её почувствовать себя слабой и пустой, как скованный льдом тростник.

Поднимаясь на корточки, девушка задалась вопросом: может, это всё шутка? Зверь решил так позабавиться? Только врождённый скептицизм удержал её от того, чтобы броситься наутёк и столкнуться с так называемым законодателем Храфнхауга. Вместо этого она медленно двинулась вперёд, чтобы заглянуть за крыльцо дома; именно тогда Диса и услышала их голоса. Она подкралась ближе. Девушка следила, куда наступает. Из узкого окна над её головой раздавался резкий акцент Гримнира, древний и отчётливый; она услышала, как голос странной старухи превратился в монотонное пение. Девушка выпрямилась и напряглась, чтобы расслышать слова, когда услышала мясистый удар кулака о

плоть. Диса застыла.

Он убил её?

Рукоять топора, зажатая в кулаке Дисы, стала скользкой от пота. Девушка переложила топор и вытерла ладонь о тунику. Ей казалось, что эта карга – его союзница, может даже подруга. И если проклятый монстр смог без труда убить друга...

Диса выругалась. Надо было бежать, когда был шанс. «Да, – подумала она. – Я могла бы уже быть на полпути к пограничному камню. А вместо того я стою тут как последняя идиотка и жду смерти». От этой мысли губы девушки изогнулись в оскале. Она сжала зубы, на её лице появилось выражение решимости. Хватит ждать.

Диса прокралась в угол. Там она скорчилась во тьме потухшего факела. Красноватый свет лился из-под крыльца, его резные столбы в виде волка и змеи отбрасывали длинные тени на верхнюю часть ступеней. К чести Дисы, она сразу же почувствовала облегчение, когда снова услышала голос старухи. Тот перешёл в резкий визг:

– Не тронь её, скрелинг! Ты меня слышишь? Она – часть пророчества!

И хотя Диса Дагрунсдоттир была рада, что старуха жива, это несколько не ослабило её решимости. Жребий брошен. Она позволила топору склониться набок, хватка на рукояти была твёрдой, но не жёсткой – всё как учила Сигрун.

Тень Гримнира появилась первой. Диса смотрела, как та растягивается в ночи, а сама стояла совершенно неподвижно, не смея даже дышать, когда его обезьяноподобное тело заполнило дверной проём. Посмеиваясь в предвкушении, он переступил порог и направился вперёд медленным шагом. Проходя мимо, Гримнир ухватился за один из резных столбов, поддерживающих крышу крыльца, и с его помощью подтянулся к началу лестницы. Там он остановился и согнулся почти вдвое, пригнувшись и сопя, пока искал след Дисы.

Диса услышала в голове голос своей бабушки: «У вас будет один шанс», – сказала им Сигрун прошлой осенью, когда они с Аудой учили младших Дочерей Ворона самозащите. Немногие смогут стать такими, как они – скьяльдмер,

мрачными и смертоносными девами, в сердца которых Боги влили вино битвы, – но все должны были знать, как обращаться с топором и ножом, чтобы защитить Храфнхауг от набегов норвежцев, шведов-христиан или данов, поющих псалмы. Один шанс! Надо ударить врага прежде, чем он сможет тронуть вас. Бейте быстро! Бейте сильно! Диса вспомнила, как плечи Сигрун поднялись и опустились в фатальном жесте. Или умрите.

Бей быстро. Бей сильно. Или умри.

Диса Дагрунсдоттир поступила именно так.

Она отбросила последние нити страха, последние капли сомнения. Засунула в глубину души и заперла. На их месте вырос гнев, чёрный и ледяной. Почему она должна бежать в страхе? Она произошла из чресл Дагрун-воительницы; она была Дочерью Ворона, носительницей руны Дагаз; она несла День и была избранной Богами. Она скьяльдмер, дева щита.

Зов крови подтолкнул Дису к действию. Она оторвалась от стены, завернула за угол и пересекла полосу света, льющегося из глубины дома, не обращая внимания на тени. Шаг девушки удлинился, чтобы двигаться быстро, но был таким же бесшумным, как у охотящейся кошки.

Бей быстро.

Диса метила в слепую зону Гримнира. Тихий внутренний голос предупреждал ее, что она рискует совершить богохульство, убив вестника Спутанного Бога, но гордость его подавила. Если она сможет убить его, то он не бессмертен, и если он не бессмертен...

Бей сильно.

Диса настигла его за мгновение. Она бросилась вперёд; лезвие её украденного топора просвистело в холодном воздухе, когда она нацелила его смертоносное острие на затылок зверя. Сквозь стиснутые зубы со свистом вырывался выдох. Она подставила под удар правое плечо и упёрлась в землю правой ногой. Диса представила, что у неё всё получится; резкий удар и влажный хруст. Она представила, как его череп расколется на части и превратится в месиво из крови и мозга. И всё это Диса увидит в мерцании затухающих факелов. В груди

разлился триумф...

Или умри.

А потом он двинулся.

Подобно змее, Гримнир изогнулся вправо; он нырнул под её руку, позволив топору скользнуть так близко к его черепу, что тот звякнул о кость и серебряные бусины в волосах. А потом развернулся и шагнул к ней сзади. И хотя эта перемена ролей сильно её удивила, Диса даже не дрогнула и не упала лицом вперед. Нет, она поступила так, как поступили бы Ауда или бабушка, – она приспособилась.

С грацией и скоростью, о которых даже не подозревала, Диса оправилась от этого неудачного удара и увернулась. Её сухожилия заскрипели, когда она повернулась вправо, а топор в кулаке поднялся для удара слева. И хоть Диса и считала себя быстрой, ей всё равно не хватило скорости.

Её запястье шлепнуло прямо в ладонь Гримнира с чёрными ногтями.

Казалось, они смотрели друг на друга целый век – один ярко-красный, как пламя в кузнице, глаз вперился в два глубоких и синих, словно ледяное озеро. Диса не видела в этом взгляде ничего человеческого. Ни страха, ни опасения; ни жалости, ни доброты. Только ненависть. Такая древняя, как сам Иггдрасиль, и такая длинная, как Время. Ненависть, не знавшая ни конца ни края. Это создание древности, которое хотело лишь увидеть последствия Рагнарёка. И когда затянувшийся момент подошёл к концу, на краткий миг Дисе показалось, что она увидела проблеск чего-то знакомого в темнеющем лице Гримнира... бледную тень уважения.

Эта картина продержалась ещё мгновение, а затем исчезла. Диса успела заметить медленную и злобную улыбку, скривившую тонкие губы Гримнира; его ноздри раздулись, когда он глубоко втянул воздух. Вокруг её тонкого запястья сжались похожие на стальные тросы пальцы.

А затем она почувствовала взрыв боли под ребрами, из-за которого из неё вырвался крик. Гримнир дважды ударил её в правую почку – быстро, отчего по её телу прокатились волны тошноты.

И всё же Диса не упала.

С бессвязным криком ярости девушка вывернулась из его хватки и нанесла удар с размаху, с оттяжкой. Она вложила в него всё: каждую частичку ярости и страха, всю боль, причиненную ей за короткую жизнь, каждую пролитую от горя слезу. Всё это она вложила в костяшки пальцев левой руки, что врезались ему в переносицу. Она почувствовала, как хрустнул хрящ. Голова Гримнира откинулась назад, а из его ноздрей вниз по подбородку потекли струйки чёрной крови, густой и пахнувшей мокрым железом. Но когда он оправился от удара, улыбка зверя стала шире, а губы обнажили острые жёлтые клыки.

Откуда-то сзади Диса услышала зловещий голос той ведьмы, Халлы:

– Скрелинг! Стой...

Если Гримнир и услышал её, то не подал виду. Его глаза не метнулись в ту сторону, а кровавая улыбка превратилась в оскал. Его свободная рука юркнула вперёд и злобно сжалась на шее Дисы.

Она задёргалась, ожидая резкий поворот смерти.

И всё же не прекращала бороться. Но, прежде чем она успела бы просто занести руку для последнего, бесполезного удара, Гримнир со смехом опередил её резким движением головы вперёд и ударил по лицу твердыми костями своего лба.

Диса услышала глухой хруст удара, а потом её мир стал белым и безмолвным и всё исчезло.

Она просыпается под запах дыма и пепла и под тепло потрескивающего огня. В рваной кольчуге её конечности кажутся тяжёлыми, бесполезными и уставшими после боя. Тёмные волосы обгорели; серебряные бусы и костяные амулеты давно

превратились в шлак и уголь. Лицо измазано в крови. Она касается его и чувствует открытую кость под кончиками тянущихся пальцев. В том месте свисает лоскут кожи на тонкой нити плоти. И её сердце разрывается, потому что она понимает, что это – татуировка ворона, появившаяся у неё с самого детства и растущая с каждым годом по мере того, как она становилась женщиной. Это знак её народа. Знак её личности. И его содрало лезвие ножа какого-то псалмопевца. С чрезмерной осторожностью она тянет татуировку на себя и держит в руках.

Теперь это мёртвая бледная кожа и безжизненные чернила. Но они хорошо ей послужили и потому заслуживают большего, чем бездушная могила. Она торжественно кладёт татуированную часть своего лица в один из тысячи горящих неподалёку костров. Кусок плоти медленно превращается в пепел; загнанный ворон улетает ввысь на крыльях из чернил и мечтаний. Он поднимается в огненные небеса, чтобы присоединиться к пожару Рагнарёка.

Девушка вздыхает и встает на ноги, уже скучая по бесплотной части себя, которую воплощал ворон. Без него она лишь плоть, кости и грязь – как и все окружающие её трупы. Они лежат среди горящих обломков Храфнхауга. Бледные и окровавленные гёты переплетаются с бородатыми данами и темноглазыми шведами, их рваные плащи-нарамники украшены крестом Пригвождённого Бога. У неё нет слов. Тяжесть сломанного копья давит на грудную клетку. Она не помнит, как оно туда попало и в чьих руках было; непонятно, кто из этих жалких мёртвых ублюдков засадил железную головку глубоко ей в кишки. То, что это не приносило никакой боли, было одновременно и облегчением, и беспокойством.

Девушка крепко сжимает расколотые остатки древка копья, ковыляя от разрушенных ворот по улицам, которые знает с детства. Несмотря на жару, голая кость на её лице вся заледенела. Девушка стирает кровь. Недалеко от центра деревни, где рухнул великий камень рун, стоявший со времен ее предков, она видит жуткое зрелище: из-под обломков поднимается гигантский крест, а к нему пригвождён бледный человек с волосами цвета молока, раскинув руки, словно желая обнять страдания мира. Он смеется над собственной агонией, бормоча:

Это Миклагард, где короли были в пурпуре,

А на улицах просили милостыню;

Наши клятвы нарушили, хоть и клялись на Кресте,

Когда псы святого Марка просили платы.

Девушка поворачивает древко копья и вытаскивает окровавленное оружие из бока. Она перевязывает рану куском ткани, хоть та и не причиняет ей боли, а затем взбирается на груды обломков и касается белой ноги висящего человека. Он перестаёт смеяться, когда смотрит на неё сверху вниз, в красноватых глазах отражаются безумие и жажда смерти. Кивнув, она вонзает сломанное копье ему под ребра.

Он умирает с содроганием и долгим протяжным вздохом...

Девушка, пошатываясь, выбирается из-под обломков и идёт дальше, мимо худого бородатого мужчины, который роняет древний меч, призывает на помощь своего Пригвождённого Бога и хватает кусок рваной железной цепи. Им он начинает сдирать кожу со своего узловатого позвоночника. С каждым ударом он выкрикивает: «Eloi Eloi lama sabachthani?»

Девушка поднимает меч, который уронил так называемый святой человек, – длинное лезвие, выкованное гномами, отражает жестокий свет небес. Она уже готова сразить этого безумца, когда её внимание привлекает какое-то движение. Она поворачивается. Приближается знакомая фигура, сутулая и кривоногая, тот самый защитник Храфнхауга. Человек в плаще. Он раздет по пояс и обливается потом, таща за собой груженую тележку, содержимое которой скрыто залитым кровью холстом. Девушка хочет отругать его за эти разрушения, но её голос заглушает вой ветра над полем боя. Вместо этого она наблюдает, как он останавливается у груды трупов, пинает их в стороны и вытаскивает из-за пояса топор. Потом наклоняется, отрубает головы, берёт за волосы и кладёт в тележку. Девушка подходит ближе.

Он улыбается ей и подмигивает, когда отодвигает холст, чтобы открыть гору отрубленных голов. Сотни. Знакомые лица смотрят на неё мёртвыми, остекленевшими глазами. Она видит старую Колгриму рядом с молодой Брингерд, её чернильный ворон ещё не успел высохнуть; Хредель там со своим сыном Флоки; оба Бьорна, Сварти и Хвит – Чёрный и Белый; там лежит и Ауда вместе с жестокой Сигрун, черты лица которой кажутся суровыми даже в смерти. Поверх остальных покоится незнакомое для неё лицо – более суровое, чем у Сигрун, с пепельными волосами и глазами, бледными как зимнее небо. Но

боится она совсем не лица. С её губ непослушно слетает имя: «Ульфрун». К ней девушка резко испытывает... любовь? Любовь дочери к матери? Или это вина? Та, что возникает из-за осознания того, что Ульфрун заменила мать в глазах этой девушки?

Человек в плаще бросает другие головы поверх кучи, задевая голову женщины. Она скатывается и падает прямо у ног девушки. Та осторожно поднимает её и возвращает в тележку.

– Нам надо идти, птичка, – кричит Человек в плаще, указывая топором в ту сторону, откуда пришёл. – И поживее, или он найдёт тебя.

Девушка поворачивается и шагает в указанном направлении, меч позади неё прочерчивает борозду в земле.

– Не будь идиоткой, помойная крыса! – кричит он ей вслед.

Впереди её ждёт фигура. Она имеет человеческую форму, хоть и сгорбленную и такую же искривлённую, как посох, на который опирается; на ней просторный плащ и низко надвинутая широкополая шляпа. Из-под полей поблескивает один злобный глаз.

Девушка считает, что всё это из-за него – он, подобно пауку в человеческом обличье, сидит в центре огромной паутины и ждёт идеального момента, чтобы нанести удар. А всё сущее под небесами – всего лишь нити этой паутины, сплетённые, туго натянутые и перемежающиеся с другими. У этой паутины нет понятного узора, но девушка знает: что-то нарушить – значит навлечь на себя смерть.

Но она не боится.

Она медленно идёт по выжженным руинам Храфнхауга, скребя мечом по камню.

Она положит этому конец.

Она, произошедшая из чресл Дагрун-воительницы; она, Дочь Ворона, носительница руны Дагаз; она, несущая День, избранница Богов, она,

скьяльдмер, дева щита.

Она не боится.

Она положит этому конец.

Здесь.

Сейчас.

Она поднимет выкованный гномами меч...

– Нидинг, – говорит незнакомец голосом чернее самого Венерна.

Из великих глубин, из вод поднимается курган

Каменный зал Арана, где обитает

Отродье Ёрмунганда, Злостный Враг,

И гремят его жуткие кости, и предвещают конец.

И со звуком, похожим на хруст ряда костей, плащ незнакомца поднимается словно от горячего дуновения ветра. А под ним лишь тьма. И эта тьма растёт, распространяется, превращается в чудовищные крылья, перекрывающие пылающее небо. Эта тьма как змея ползёт по руинам Храфнхауга. Она гасит пламя, лишая его дыхания; она убивает живых чумой, от которой гниёт кровь в жилах. Она сокрушает и разрушает.

Девушка собирается бежать, но тьма поглощает её. И тогда, в этих отвратительных объятиях, девушка открывает рот, чтобы закричать...

Диса резко проснулась. Крик так и застрял у неё в горле. Она закашлялась и сморщилась от горькой жидкости, сжигающей глотку. Над ней повис мутный силуэт с пылающим красным глазом. Ей хотелось повернуться и выплюнуть противную жижу, но помешала тёмная рука, зажавшая ей рот. Дису затошнило ещё сильнее, когда спиртное забурлило у неё в горле.

– Нар, глотай, – пробормотал Гримнир.

Не имея другого выхода, Диса сжала зубы и заставила себя проглотить. Внезапно дышать стало легче, а в животе разлилось приятное тепло. Затуманенное зрение прояснилось, опухшее лицо сразу заныло, и через нос невозможно было втягивать воздух. Она ожидала, что очнётся наполовину в болоте – если вообще очнётся. Но, судя по всему, они снова были в доме. Диса увидела яму и груды золота, серебра, оружия и доспехов; теперь всё это освещалось лучами бледно-серого света, просачивающегося из окон. Она лежала на одной из боковых платформ, где валялись старые подушки и изъеденные шкуры лис, куниц и оленей.

Гримнир сидел возле неё на корточках. Его лицо всё ещё было перепачкано чёрной кровью там, где она сломала его нос. Он сделал глоток из глиняной фляжки, обёрнутой паутиной из верёвки, и заткнул пробку зубами. Потом он вытер губы тыльной стороной ладони.

– Сейчас сразу очухаешься!

– Ч-что это? – спросила Диса.

Гримнир встал и выпрямился.

– Мйод, сваренный по традициям моих сородичей, никчемных dwarves.

– Непростой напиток. – Диса с трудом приняла сидячее положение.

– Да, – согласился Гримнир, а потом повернулся и сошёл с платформы, под его ногами заскрежетало оружие. – Ты и сама не промах, птичка. Давненько меня никто не бил по морде, не говоря уж о такой доходяге, как ты.

– Толку всё равно никакого, – ответила Диса, аккуратно касаясь лица. Её нос тоже был сломан, в этом она не сомневалась, и, возможно, пострадал левый глаз – её зрение то дёргалось, расплываясь, то снова прояснялось. Во рту чувствовался вкус крови.

Гримнир повернулся к ней нахмурившись.

– Ты ведь жива.

– Но насколько?

Гримнир ответил не сразу. Он запрыгнул на край ямы и аккуратно зашагал к своему стулу. Диса понимала, что он обдумывал её вопрос. Добравшись до конца ямы, Гримнир спрыгнул и растянулся на своём импровизированном троне.

– Это зависит от тебя.

– От меня?

Гримнир наклонился вперёд, осуждающе тыча пальцем в её сторону.

– Не строй из себя дуру, птичка! Все остальные Дочери Ворона считали служение мне большой честью. Старая Колгрима, а до неё Мэва – двадцать три поколения до самой Идунн Брагадоттир, которая была ведьмой и изгоем до того, как пришли мы, Гиф и я. Они отдавали себя, чтобы сохранить жизнь своим сыновьям и мужьям, братьям и отцам – да, пусть так называемый вестник Спутанного Бога возьмет на себя это бремя! Когда эти вонючие свиньи из Дании ворвались в Гёталанд, кто принял на себя главный удар? Кто затупил топоры и разбивал щиты о норвежских ублюдков и шведских идиотов? – Гримнир прокашлялся и сплюнул, а потом снова откинулся на спинку стула. – Для них Человек в плаще был богом и спасителем, и они гордились тем, что были жрицами. О, как притворно они рыдали. И скрещивали пальцы, когда связывали себя с нами клятвами, которые никто из вашей жалкой шайки не посмел бы нарушить. Но не ты! Нет, ты же считаешь это смертным приговором! И чем ты лучше этого сброда?

Теперь пришла очередь Дисы обдумывать вопрос. Наверное, это и есть конец веревки. У девушки болели лицо и голова и не осталось сил притворяться. Она скажет правду и либо повиснет, либо начнёт подниматься вверх.

– Ничем не лучше, – ответила она спустя мгновение, – но и ничем не хуже. У меня не хватает духу быть чьей-то рабыней, уж тем более какого-то зверя. Те женщины? Они этого хотели. Они жаждали твоей защиты. Возможно, они были мудрее меня или им было что терять. А я? Я жажду свободы и защищать себя

сама, вот и всё.

– Скъяльдмер, – сказал Гримнир.

Диса бросила на него гневный взгляд.

– Ты говоришь во сне, сопля. Вот о чём ты там говорила, когда хвастала, что будешь сама писать свою судьбу. Ты считаешь, что у тебя хватит силёнок быть скъяльдмер, проклятой девой щита.

– Возможно, – ответила Диса, чувствуя, как к щекам приливает кровь.

– Возможно? – передразнил Гримнир. – Имир тебя побери, идиотка! Либо ты веришь в это, либо нет. Так что?

– Верю! – Она выпятила подбородок, будто напрашиваясь на ответ. – Моя мама была девой щита, как и её мама! Я была рождена ходить по землям Одина и орудовать мечом, а не кланяться и убираться!

– Да неужели, – сказал Гримнир, сузив глаза. Он склонил голову набок, прожигая девушку своим огненным взглядом, а через какое-то время фыркнул. – Ну, ты хотя бы честна, хоть и самолюбива. Сколько в тебе? Сто фунтов в доспехах? Да в любом бою тебя прожуют и выплюнут.

Он постучал чёрным ногтем по своему подлокотнику.

– Я сломала тебе нос, – гордо выпалила Диса.

– Это отчаяние и удача! – ошетинился Гримнир. – Это ничтожная ставка, если на кону твоя жалкая жизнь.

– Люди ставили и меньше, а всё равно выигрывали, – ответила девушка.

Гримнир хмыкнул и потёр подбородок тыльной стороной левой руки.

– А свиньи вообще ничего не ставили, но всё равно оказались на вертеле.

– Ну так убей меня! – рявкнула Диса. В уголках её голубых глаз собрались слёзы от злости, боли и отчаяния. – Убей меня и забудь, потому что лучше я умру и буду свободна, чем останусь жить и прислуживать тебе!

– Не искушай меня, идиотка, – Гримнир провёл пальцем по лезвию ножа. Он долго и пристально смотрел на неё, подбирая следующие слова. Наконец он сказал: – Да, у тебя есть мало-мальские навыки, которыми ты будешь хвастаться до скончания твоих жалких дней. Но в тебе нет мяса, сплошные кости. Из-за этого ты проворнее, но всё равно не выступишь в битве, щит к щиту, как настоящая скьяльдмер.

– Евла фитте! – прошипела Диса проклятие, которое услышала в том году во время разведки в пограничных землях Эйдаскогра от норвежского торговца, после чего Ауда схватила нож, который тот пытался ей продать, и перерезала ублюдку горло. – А тебе откуда знать? Разве монстры сражаются в битвах?

Уголки губ Гримнира приподнялись в презрительном оскале.

– Идиотка! За кого ты меня принимаешь? За равного себе? На большее твоя деревянная голова не способна? Когда я говорю, что ты не выступишь в настоящей битве, я сужу по собственному опыту, а это больше лет, чем твой бесполезный мозг может представить! Я стоял на равнине Клуан Тарб, за стенами Дублина, где кельты победили норвежцев. А до этого... – Гримнир пренебрежительно цокнул языком о зубы, – и не сосчитать.

– Значит, я должна просто сдаться и принять эту ношу? Служить здесь и умереть, как Колгрима, – дряхлой бабкой, которая поскользнулась на мхе? Одному Одину известно, на что она там охотилась.

Гримнир снова хмыкнул.

– Была бы моя воля, я бы давно вспорол тебе горло. Освеживал бы твой тощий труп и продолжил заниматься своими делами. Но нет. Не всё так просто. Тебе суждено стать занозой в моей заднице, птичка. Будешь мозолить мне глаза, но ты быстрая, с напором и хорошо бьёшь. Копьё и топор – вот твоё оружие. Может, какой-то клинок, кинжал или хороший охотничий нож.

Диса округлила глаза, заморгала и открыла рот.

– Что... о чём ты говоришь?

– Мне нужна жрица, а не рабыня, – ответил Гримнир. – Но если я поддамся на уловку и отрублю тебе голову, твои сородичи отправят мне очередную заискивающую и лживую старуху. Так что давай заключим союз. Ты служишь мне, держишь пасть закрытой и не мешаешься под ногами. А взамен я сделаю из тебя вояку. Что скажешь?

– Я стану скьяльдмер?

– Называй себя как хочешь, птичка, – сказал Гримнир, поднимаясь со стула. – Когда мы закончим, в убийстве тебе не будет равных. Ну, как тебе?

Диса Дагрундоттир выдохнула. А затем, словно ожидая, что это какая-то жестокая шутка, кивнула.

– Согласна.

Гримнир сунул руку за поясицу и вытащил нож с тонким лезвием, а затем всадил острием вниз в дерево рядом с Дисой.

– Тогда принеси клятву.

Он взял свой охотничий нож, уколол кончиком большой палец правой руки и позволил чёрной крови закапать. Затем вложил нож в ножны и размазал свежую кровь по ладони руки, держащей клинок.

Диса поднялась на нетвёрдых ногах. Она вытащила нож и повторила жест Гримнира, вымазав руку густой красной кровью. Девушка на мгновение задумалась, вспомнив древнюю клятву, которую произнесла её мать перед отплытием к берегам Скагеррака навстречу славе и смерти в сражении с данами.

– Услышь меня, Спутанный Бог, о хитроумный Локи! – сказала Диса, начиная медленно и колеблясь. – Будь свидетелем, о Имир, владыка великанов и повелитель льда!

Гримнир выставил окровавленную руку; Диса взяла ее в свою и поморщилась, когда он её сжал. Их кровь смешалась.

– Этой кровью я привязываю себя к Человеку в плаще! Я буду служить ему, как служили мои предки! Но помни и его обещание, друг Бога-Ворона, пусть помнят о нём и его народе, а их кости не растопчут под землёй!

На последнем слове Гримнир резко зашипел и чуть не раздавил её пальцы. И всё же они оба услышали его – далёкий и слабый, глухой раскат грома с далекого севера, куда не дошло влияние Пригвождённого Бога. Ей представился древний великан, кивающий во сне.

– Готово, – сказал Гримнир, отпуская руку, и отвернулся. – Халла!

Из глубин дома вышла старая женщина, обходя столб серого света, падающего из окон. В руках она несла корзину Дисы – теперь пустую, если не считать свёрнутых, связанных вместе пергаментов – и запечатанный глиняный сосуд, похожий на тот, в котором целое поколение хранился камень с её руной. Также Халла несла шерстяной плащ с капюшоном из волчьего меха и охотничий нож в деревянных и кожаных ножнах. Его рукоять была сделана по образцу меча, с толстой крестовиной из кожи и медной проволоки и навершием в форме жёлудя. Халла опёрла корзину о своё бедро и протянула нож.

Диса взяла его, в её голубых глазах сверкнула жадность. Она немного вытащила нож из ножен; сталь заскрежетала по медному горлу, на котором были выгравированы руны, защищающие лезвие от повреждений. Она провела в воздухе однолезвийной серой сталью, толстой у основания, – той, что рассекала кольчугу, плоть и кости, словно весло – воду.

– Каждой птичке нужны когти, – сказал Гримнир, возвращаясь на своё место. Он вытер окровавленную ладонь о килт на бедре. – Даже такому мешку с костями, как ты. И уж следи за ним!

Диса кивнула. Она снова вложила лезвие в ножны и сунула за пояс на талии. Затем Халла протянула ей плащ, который она с улыбкой накинула на плечи. Девушка была благодарна за это тепло. Наконец, старуха передала ей корзину.

– Верни это в Храфнхауг, – сказала Халла и показала на глиняный сосуд. – Пусть положат его обратно у Вороньего камня, – затем её сморщенные руки переместились к свиткам. – А это отдай вождю. Залечи раны и возвращайся с новой луной. Ты поняла?

– Да, – ответила Диса.

– Тогда иди.

Диса повернулась к Гримниру и начала бормотать благодарности, но тот оборвал её резким жестом.

– Нар! Хоть в этот раз поработай ногами, жалкая мелюзга.

На этом Диса повернулась и унеслась прочь.

Халла подошла к двери и выглянула. Её мутный взгляд провожал девочку, которая едва ли не прыгала с лестницы и побежала по тропинке из брёвен, соединяющей пригорок с долиной. Ничто не могло расстроить гостью. Ни сильный удар по голове, ни сломанный нос и уж точно не мелкий дождь, льющий с неба.

Старуха почувствовала, как сзади подошёл Гримнир.

– Ты хотела оставить её в живых? – насмешливо прошипел он. – Ну вот, она жива и стала для меня обузой.

– Ты был безумно щедр, скрелинг, – ответила Халла. – Не знай я тебя, сказала бы, что тебе понравилась эта девчонка.

Гримнир что-то невнятно проворчал. Он прислонился к дверному проёму и скрестил руки на груди. Его ноздри раздувались, пока он вдыхал сырой воздух. Несмотря на тишину, Халла почти слышала, как в его черепе проносятся мысли.

– Но я тебя знаю. – Повернулась она, грозно нахмурившись. – Что ты задумал? Зачем тебе делать из неё воительницу?

Гримнир долго хранил молчание – достаточно для того, чтобы Диса поднялась по тропе в долине и исчезла в деревьях вдоль хребта. Наконец он сказал:

– Ты её слышала, эту упрямую идиотку! Всё болтает о том, как согласна на то, но не согласна на это, как будто уже во всём разобралась. Я понял давным-давно, что таких кнутом не заманишь. О нет! Они ведь слишком гордые. Их нужно уговаривать. Дразнить пряником. Дать им откусить кусочек. Пусть то, чего она так хочет, будет в пределах досягаемости, и тогда их не остановят преграды ни человека, ни самих Богов.

Халла медленно закивала.

– Она хочет быть как мать, но мудро ли это?

– Ты её помнишь? – Гримнир втянул воздух сквозь зубы и сплюнул.

Старая троллиха взглянула на далёкий хребет, где исчезла Диса.

– Да. Но та Дагрун, которую я помню, умерла не в сражении с данами на берегу Скагеррака...

– Нар! – ответил Гримнир. – Её погубило любопытство. Она переслушала скальдов, которые болтали о героях и монстрах. Она попытала судьбу несколько зим назад, когда напоила Колгриму до беспамятства и вытянула из неё парочку секретов – например, о том, что среди них живёт монстр. Эта свинья решила, что сделает себе имя сьяльдмер и истребительницы зверей, если заполучит мою голову и повесит над камином!

– Но не ты убил её.

Гримнир снова цокнул.

– Она так и не добралась до моего дома. Её убила собственная мать. Всадила нож в спину, а потом заставила Колгриму помочь отвезти труп и утопить в болоте. Видимо, она сказала, что дочь умерла в битве при Скагерраке, чтобы не начался мятеж, но не знала, что выйдет из этой лжи.

По долине пронёсся ледяной ветер. Халла взяла парочку брёвен у двери и положила в огонь, который сразу ожил от железной кочерги.

– И девочка не знает, что сотворила её бабушка.

– Скользящая тварь эта Сигрун, – Гримнир отвернулся от двери и зашагал к своему стулу. – Готов поспорить на свой последний глаз, что она и Колгриму прибила.

– Решила замести следы? Но зачем? Муки совести или что-то другое?

– Выясни. Обратись к теням. – Гримнир откинулся на спинку стула, поставил локоть на ручку и упёрся подбородком в кулак. Его сияющий глаз уставился в сердце ожившего костра. – Посовещайся с ландветтирами. Отправь свой дух вниз, к ограде, окружающей холодное царство Хель. Найди ответы. Эта мелюзга болтала о чем-то во сне, выкрикивая имена. Сначала это была какая-то бессмыслица. Но потом она сказала что-то о пауке, сидящем в паутине. Сетер, так она его назвала.

– Тот, кто сидит в засаде, – кивнула Халла.

Гримнир вытащил нож и всадил его острием в другой подлокотник.

– Мы спокойно тут сидели, занимались своими делами, но чутьё мне подсказывает, что мы что-то упустили. Какую-то крысу, целующую крест. Там поселился предатель и выжидает во тьме.

– Думаешь, Сигрун обратилась к Пригвождённому Богу?

– Может. Или кто-то ещё.

Снаружи лил дождь, а внутри танцевали тени. Свет огня бросал на лицо Халлы зловещие блики. Её мутные глаза ходили туда-сюда, пока она составляла план.

– А девчонка?

Гримнир провёл большим пальцем по лезвию ножа, проверяя острие мясистой частью. Он ухмыльнулся, когда лезвие рассекло кожу. Подняв палец, он изучал

выступившую кровь, будто та была предвестницей, – чёрная и блестящая.

– Я точно сделаю из неё убийцу, – сказал Гримнир, прижимая большой палец к указательному, отчего из маленькой раны вытекло больше крови. – Придам ей форму, как меди на наковальне. Сделаю её острой. Научу её биться. – Он снова удержал каплю крови, не давая ей стечь по большому пальцу. – А потом, может быть, расскажу ей, что на самом деле случилось с её драгоценной Дагрун.

Улыбка, мелькающая в уголках губ Гримнира, превратилась в оскал, когда он ткнул большим пальцем в плоскую поверхность своего ножа. Там был глубоко вырезанный в стали глаз – символ сынов Балегира. Чёрная кровь заполнила углубления в металле. Она переливалась через надрезанные края, создавая иллюзию, что глаз оплакивает Старые времена, давно изменившийся мир...

5

Хоть Храфнхауг и был всего в двух милях, через тёмные воды Скервика, у Дисы не было ни крыльев, ни лодки. Она пошла по берегу, по охотничьим тропам и через запутанные еловые и березовые рощи. В дороге было шесть миль, и она должна была занять всего пару часов, несмотря на скалистую и лесистую местность, но растянулась почти на весь день.

Возбуждение уступило место пронизывающей до костей усталости. Она остановилась у небольшого ручья, чтобы смыть кровь с лица и попить – от Мйода Гримнира у неё пересохло в горле; она снова остановилась, когда её конечности свело от спазмов перенапряжения. Диса нашла заросли недалеко от тропы, где устраивались на ночлег олени и, несмотря на дождь, папоротник под ногами был теплым и сухим. Она доковыляла до гнезда и, поглубже завернувшись в плащ, который дала ей Халла, погрузилась в сон...

... её ждёт фигура. Она имеет человеческую форму, хоть и сгорбленную и такую же искривлённую, как посох, на который опирается; на ней просторный плащ и низко надвинутая широкополая шляпа. Из-под полей поблескивает один злобный глаз.

– Нидинг, – говорит незнакомец голосом чернее самого Венерна. – Я иду. Скажи своему народу выбирать и с умом. Никто не может служить двум хозяевам.

И со звуком, похожим на хруст ряда костей, плащ незнакомца поднимается, словно от горячего дуновения ветра. А под ним лишь тьма. И эта тьма растёт, распространяется, превращается в чудовищные крылья, перекрывающие пылающее небо...

Диса проснулась со стоном. В руках она зажала нож и направила на пустоту. День перерос в ранний вечер. С листьев капала вода, и она слышала тихий плеск волн, ударяющихся о скалистый берег Скервика. Над ней не нависали ни тьма, ни фигура в широкополой шляпе с горящим глазом. Диса медленно расслабилась. Среди Дочерей Ворона многие говорили о вещих снах, и некоторые – как Колгрима – даже искали травы и кору, чтобы жечь их и вызывать такое состояние. Однако Диса ничего такого раньше не испытывала. Ей было интересно, что всё это значит. Это действительно столь страшное предупреждение? Или это как-то связано с влиянием Человека в плаще? С кучей вопросов и без ответов девушка вложила лезвие в ножны и приготовилась уходить.

Диса выбралась из своего тёплого гнезда. Дождь сменился негустым туманом, похожим на пелену, и воздух стал ещё холоднее. Выругавшись, она подхватила корзину и поплелась дальше. Ещё до истечения часа она поняла, что приближается к дому. Она миновала несколько отдаленных строений – одиноких домов, окружённых заросшими полями и плетеными изгородями из веток орешника, которые сдерживали скот. Из дымоходов поднимался дым, смешиваясь с ледяным туманом. Диса шла дальше, её охватило необъяснимое чувство беспокойства...

...среди горящих обломков Храфнхауга бледные и окровавленные гёты переплетаются с бородатыми данами и темноглазыми шведами, их рваные плащи-нарамники украшены крестом Пригвождённого Бога.

Диса ускорила шаг из-за внезапно нахлынувшего отчаяния. Охотничьи тропы переходили в изрытую колеями и единственную дорогу в Храфнхауг – достаточно широкую, чтобы вместить повозки, хотя сейчас она заросла по краям. Насколько Диса знала, ни один принц или король не претендовал на этот уголок Гётландии, а если и претендовал, то не посещал. Конечно, много лет этим помышляли норвежцы, как и горстка предприимчивых шведов. Один даже

добрался до бухты под названием Рог в устье реки Хведрунг, где заложил фундамент для города. Поскольку гёты провозгласили Рог своей южной границей, это вторжение не могло пройти бесследно. Флоки рассказывал эту историю лучше всех, потому что был умён и наделён присущей скальдам любовью к драматизму. Он разыгрывал роли обиженных гётов, возглавляемых старым вождем по имени Хуглейкр, который явился в бухту, сжёг злополучный форт шведа дотла, а его создателя отправил домой по частям. Это – по словам Флоки – было делом рук Человека в плаще.

– Хотя норвежцы и их союзники даны по-прежнему совершают набеги на Гётландию и грабят наш народ, – говорил он, почтительно кивая Сигрун и Дисе в память о матери последней, – с тех пор ни один проклятый швед не осмеливался переступить через Рог.

И Диса надеялась, что так будет ещё много лет.

Приближаясь к Храфнхаугу со стороны суши, можно было наткнуться на него почти без предупреждения. Дорога нырнула в густо заросшую линию ясеня и ивы и вышла на край глубокого ущелья, прорубленного веками бесконечной борьбы ландветтиров и ватнаветтиров, живших в его глубинах, духов земли и духов воды. Где-то в двадцати ярдах Шрам образовывал остров Храфнхауг. Шрам пересекал мост из толстых веревок и досок; на его краю Диса коснулась основания столба духов, воздвигнутого её предками, его верхняя резьба потрескалась и сгладилась от непогоды, а нижнюю стерли прикосновения бесчисленных рук. Эхо волн и плеска воды в тёмных глубинах Шрама звучало как призрачный смех – наверняка смех Колгримы. Но на дальней стороне земля становилась крутой, деревья исчезли, и вот оно на фоне затянутого облаками неба: скалистый утёс из сланца и чёрного известняка, возвышающийся над краем Скервика, увенчанный крепостью с земляными стенами, укрепленными деревянным частоколом.

Дорога трижды петляла, прежде чем достигла ворот Храфнхауга, тяжелых дубовых брёвен, окованных ржавым железом, установленных между парой квадратных деревянных башен высотой в тридцать футов. Диса не могла припомнить ни дня, ни ночи, когда ярл приказывал закрыть ворота, и этот вечер не стал исключением. Они были открыты на дюжину футов, достаточно широко, чтобы проехать повозке; над ними, на парাপете между башнями с соломенной крышей, опирался на копье одинокий часовой, завернутый в толстый плащ из тюленьей шкуры с надвинутым капюшоном, так что виднелись только

клювовидный нос шлема и густая борода. Он наблюдал за ней, перемещая свой вес, когда перекидывал копье из левой руки в правую. Сначала Диса подумала, что это Хрут, любовник её сестры, но в сумерках едва блеснуло серебро в бороде – тогда она поняла, что это Аск, сородич Хрута.

Диса сняла капюшон и помахала рукой.

– О боги, Диса! – крикнул он в ответ, перегнувшись через зазубренный деревянный край. – Мы думали, тебе конец!

– Был бы, не выберись я из этой мерзкой погоды, – ответила она. – У тебя с собой рог, Аск?

Мужчина кивнул, поднимая окованный серебром рог на тонкой кожаной перевязи.

– Тогда буди всех. Пора нам проститься с Колгримой. Она слишком надолго задержалась в этом мире.

Диса прошла под воротами, когда Аск протрубил в рог. Его низкий горловой рёв эхом разнёсся по множеству строений. Храфнхауг простирался вверх по трём неглубоким выступам. На первом, на уровне ворот, располагались дома и мастерские ста с лишним семей, которые называли деревню своим домом. У всех – деревянные стены на фундаменте из местного камня с крутыми скатными крышами из соломы или черепицы; их угловые столбы украшала глубокая резьба, а на перекрещивающихся балках, образующих пики крыш, были изображены рычащие волки, драконы, остроклювые вороны и тролли – всевозможные звери из легенд их народа.

Диса петляла между домами по улицам, вымощенным гладким озерным камнем, и поднялась по высеченным в скале ступеням, которые вели на второй уровень. Здесь земля была открытой, и над ней возвышался древний вертикальный камень – Вороний камень, чёрный и блестящий, с вырезанными на нем древними рунами. Перед Вороньим камнем был приготовлен погребальный костер, на котором лежал завернутый в полотно труп. Колгрима. Диса мало что знала о своих обязанностях, но точно знала одно: только жрица Человека в плаще может зажечь огонь, который поглотит бранные останки её предшественницы.

Дальше, на самом маленьком третьем выступе, располагался дом под названием Гаутхейм, дом гётов. Хотя и больше остальных, он был построен по тому же образцу – с крутой скатной крышей из потемневшей от времени соломы и угловыми столбами, которые изгибались, как драконы; за его замысловато вырезанными дверьми проводили дни бесчисленные тегны и скьяльдмеры, плели заговоры и строили планы, напивались и дебоширили. Когда двери распахнулись, наружу хлынул свет. После второго сигнала рога Аска на улицу выбежали два десятка мужчин и женщин, вооруженных и наспех одетых в доспехи. Диса увидела ярла Хределя рядом с костлявым сыном Флоки; двух Бьорнов – Бьорн Хвит, Белый, чьи волосы и борода белели как снег, хоть он и был в расцвете сил, и Бьорн Сварти, Чёрный, чье лицо и волосы были такими же мрачными, как у Гримнира, – а также Менкса-гёта, Иомхара и Кьяртана Сигурдсона – змееглазый Кьяртан провёл больше времени среди норвежских опустошителей, чем среди собственного народа. Она увидела нежное лицо Беркано, которая утверждала, что произошла от берёзы и рябины, а рядом стояла её младшая сестра Лауфея, мрачная и тихая, – обе сестры сбежали с земель гётов Выдры после вторжения норвежцев в их деревню. Последними шли двадцать три Дочери Ворона во главе с Аудой и Сигрун, глаза той светились суровым огнём.

При виде Дисы у Вороньего камня все замолкли. К ним подходили другие, с первого уровня, до тех пор, пока, казалось, у чёрного камня не столпились все мужчины, женщины и дети. Кто-то поджёг факелы, их рыжий свет заплясал в тенях. Диса слышала, как её имя повторяют снова и снова. В конце концов ярл Хредель поднял руку в знак тишины и перевёл взгляд на Сигрун.

– Диса Дагрундоттир! – сказала та спустя мгновение. – Судьба оторвала тебя от нас. Тебе суждено было найти своё место в тени Человека в плаще. Ты вернулась в его милости или с позором?

Диса поставила корзину, выпрямилась и расправила плечи – с намёком на вызов.

– Я вернулась в милости, – ответила она. – И я требую своего по праву, как избранная жрица Человека в плаще.

– Пусть Боги свидетельствуют, – кивнула Сигрун Ауде, которая забрала факел у Бьорна Хвита и отнесла его Дисе. Женщина изогнула бровь при виде лица Дисы, когда передавала огонь. В ответ на невысказанный вопрос сестры Диса едва заметно пожала плечами. Она повернулась к погребальному костру,

пропитанные маслом поленья которого были покрыты капельками влаги; тело на нём выглядело таким маленьким, почти детским.

– Колгрима Гудрунардоттир! – сказала девушка. – То, что было твоим при жизни, я, Диса Дагрунсдоттир, теперь забираю себе! Все твои долги теперь принадлежат мне! Как и все твои богатства теперь принадлежат мне!

Диса подняла факел выше, и пламя ослабло.

– Услышь меня, Спутанный Бог, о хитроумный Локи! Будь свидетелем, о Имир, владыка великанов и повелитель льда! Я освобождаю Колгриму Гудрунардоттир из тюрьмы её плоти и посылаю вам! Она Дочь Ворона, жрица Человека в плаще... пусть её имя повторяют от стен Асгарда до оград Хельхейма!

Диса опустила факел в центр костра. Хоть дерево и было пропитано маслом, оно зажглось не сразу. Брёвна потрескивали и трещали, в глубине плясали голубые языки пламени. Диса огляделась, не зная, что делать. На помощь ей пришла Ауда. Она выхватила факел у одного из зрителей и понесла к погребальному костру.

– Колгрима Гудрунардоттир! – сказала она, добавляя больше пламени в костёр.

И всё же огонь дрожал и шипел.

Флоки собрал больше факелов и передал их Дочерям Ворона, пока Чёрный Бьорн принёс жаровню с углями из Гаутхейма. Затем, одна за одной, женщины с татуировками ворона шагали вперёд, поджигали факелы углями и несли к погребальному костру. Каждая добавляла к огню свой голос: «Колгрима Гудрунардоттир!»

Сигрун подошла последней.

Погребальный костёр теперь по-настоящему пылал, пламя жадно пожирало дрова и их земную ношу. В ночное небо поднимался дым. Сигрун зажгла факел. Она медленно подошла к краю этого адского пекла. Отблески света отражались от наверхия её меча, от серебряной проволоки на его рукояти и чеканки на ножнах, от тусклых колец её кольчуги; на серебряных бусинах, вплетенных в её

седые локоны, сиял красноватый отблеск огня, когда она подошла и бросила факел в сердце погребального костра.

– Колгрима Гудрунاردоттир, – сказала она тихим, полным скорби голосом. – Скоро свидимся, сестра.

Затем Сигрун сказала что-то ещё, но слишком тихо. Даже Диса, что стояла ближе всех, ничего не разобрала за треском полений. Но когда она снова подняла взгляд, то наткнулась на тёмные, злобные глаза Сигрун – они заставляли дрожать даже самых храбрых воинов. Диса чувствовала её недовольство, хоть и не понимала, чем его заслужила; она чувствовала её злобу, зависть и отвращение. И теперь Диса точно знала то, о чём только догадывалась: будь у Сигрун возможность, она вернулась бы в день её рождения и держала бы стонущее существо из матки своей дочери в ведре с водой до тех пор, пока то не перестало бы шевелиться.

Но Диса Дагрунсдоттир больше не была стонущим существом. Она больше не была сиротой без матери, очередным голодным ртом. Боги выделили её. Покров одобрения Человека в плаще зажёл пожар в её груди. И от веса его ножа её позвоночник будто налился сталью. Она встретилась взглядом с Сигрун, её голубые глаза были такими же яркими и холодными, как лёд.

– Скажи мне, – попросила Диса, когда Сигрун наклонилась ближе. – Скажи как женщина женщине, почему ты так меня ненавидишь?

Улыбка Сигрун была оскалом хищника. Она сжала руку внучки так сильно, что затрещали кости, и заглянула в синяки в глубине её глаз. Диса не дрогнула; вместо этого она издала рычание Гримнира и скривила губы в той же манере.

– Ты не женщина, – ответила Сигрун. – Пока что. Всего лишь глупое дитя. Наслаждайся этим вечером, потому что ты его заслужила своими речами. Но завтра начнётся твоё настоящее испытание.

Старуха обняла Дису безо всякой теплоты и на глазах у всей деревни поцеловала внучку в щёку.

– Пусть потом не говорят, что я не дала тебе шанс, – прошипела Диса. – Я вижу тебя насквозь, ведьма, и будь уверена, что он тоже тебя видит.

Сигрун разорвала объятия с непроницаемой маской на лице.

– Я на это надеюсь, – ответила она. – После всего, что я для него сделала, чем я ради него пожертвовала... надеюсь, Человек в плаще видит меня так же ясно, как его повелитель, Спутанный Бог.

И на этом Сигрун повернулась и ушла. Диса потеряла свою бабушку из виду, когда жители деревни собрались у Вороньего камня, и девушка ломала голову над смыслом сказанного.

Остаток вечера прошел как в тумане. Звучали песни и тосты, поздравления и вопросы. Диса помнила, как Бьорн Хвит поднял её на свои широкие плечи, чтобы она могла поместить сосуд, который дала ей Халла, в нишу на вершине Вороньего камня; она помнила, как передала свитки ярлу Хределю, который уже успел напиться. Острая боль от того, как Ауда вправляла сломанный нос, контрастировала с мягким, но ощутимым вкусом медовухи, настоящей на коре Беркано. От усталости девушка стала более раздражительной, но даже она замолчала, когда затянувшийся спор между ярлом Хределем и Флоки перерос в драку. Двое Бьорнов разняли отца и сына; Хредель продолжил пить со своими воинами, а Флоки ушел с Эйриком Видаррсоном и его братом Ульфом.

– В чём дело? – спросила Диса. Она сидела с Аудой и Хрутом, наблюдая, как умелый Аск вытатуировал руны кеназ на плече своей дочери Каты, которая займёт законное место среди Дочерей Ворона, чтобы их снова было двадцать четыре. Та ругалась и пила медовуху чашу за чашей, хоть и была на год младше Дисы. – Ни разу не видела, чтобы Хредель или Флоки даже ругались.

Ответил ей Хрут. Он сделал большой глоток эля и вытер пену с усов рукавом своей туники.

– Парень хочет уйти и заслужить себе бороду, – сказал он. – И кто посмеет его обвинить? Он уже взрослый, Имир его подери.

Аск остановился, вытер кровь с костяной иглы, которой рисовал на коже дочери, а потом смазал её пастой из чёрной золы, яри и дубового галла.

– Скоро всё это будет неважно, – сказал он, а потом повернулся к дочери. – Не дёргайся. Уже почти готово.

– Почему? – нахмурилась Диса.

– Фимбулвинтер.

– Ну вот, началось, – сказал Хрут, покачивая головой. Ауда улыбнулась.

Фимбулвинтер, как знала Диса, – это бесконечная зима, предвещающая явление Рагнарёка и конец мира.

– Думаешь, это станет Великой зимой?

Аск замер, а потом махнул кончиком испачканной чернилами иглы.

– Смейся сколько хочешь, брат, но весенней оттепели нет уже третий год. Поверьте, грядёт конец! Время огня и крови! Поэты звали это Волчьим веком – братья будут сражаться и убивать, а потом наступит конец света.

Даже Ката искоса глянула на своего отца. Хрут и Ауда переглянулись, и оба пожали плечами.

– Разве это важно? – сказала Ауда. – Норны, эти жуткие сестры, что плетут судьбы людей, измерили и определили наши жизни. Всё хорошее или плохое, что нам предвещали Боги, норны плетут на ткацком станке ещё при нашем рождении. К чему беспокойства? Если нам суждено стать свидетелями Сумерек богов, этого не изменят ни заламывания рук, ни пение псалмов.

– К тому же, – добавил Хрут, – она узнает, так ведь?

Диса подняла взгляд и увидела, как на неё уставились четыре пары глаз.

– С чего бы?

– Человек в плаще точно должен предупредить тебя о таком, – ответила Ауда.

Диса нахмурилась. Что-то из сказанного взбаламутило котёл её воспоминаний, что-то из едва услышанного – хриплый голос мягко напевал...

Бесконечная зима подходит к концу. Волк, чьё имя Насмешка, следует по пятам за Солом, что ведёт Колесницу Солнца! Скоро Змей начнёт извиваться! И Дракон...

Диса закрыла глаза.

Громко ревёт Гьяллархорн над берегами Мидгарда,
А Ёрмунганд корчится в праведном гневе;
Иггдрасиль дрожит до самых судьбоносных корней;
И воет жуткий Волк, сбрасывая цепи.

Теперь с Востока, над морскими волнами,
Идёт Нагльфар, корабль мёртвых,
А на Юге освободились ётуны;
На их мечах сияют огни бойни.

На поле Вигрид встретятся враги;
Волк и Змея против сынов Асгарда;
Обрушиваются каменные утёсы, бушуют бесы;
Герои ступают к Хельхейму; Мидгард расколется.

Солнце почернеет, земля опустится в море;
Жаркие звёзды закружатся в небесах;
Яростно валит пар и растёт жизненное пламя,
Пока огонь не взметнётся над самим Иггдрасилем.

Из-под дракона идёт тьма,

Нидхёгг выползет из корней Ясеня;

Против восточного короля, спасителя в терновом венке,

В зубах он несёт гибель всего человечества.

По Гаутхейму пронёсся ледяной ветер; пламя в яме задрожало, будто мимо прополз какой-то жестокий и хитрый ётун, видимый только богами. Диса открыла глаза и увидела, как на неё уставились десятки лиц со смесью восхищения и страха.

Аск прокашлялся и ткнул брата под рёбра.

– Я же говорил!

Ауда наклонилась ближе.

– Ты вернулась с даром прорицания, сестра? Аск говорит правду? Грядёт Фимбулвинтер?

Девушка покраснела до ушей и отмахнулась от Ауды.

– Это всего лишь висы, – проблеяла она. – Их пела Колгрима, вот и всё. Ничего такого.

– Я никогда от неё такого не слышала, – сказала Ауда нахмурившись.

– Я тоже, – добавил Хрут.

– Это не Колгрима, – подала голос Сигрун из другого конца комнаты. – Это я тебе пела, а до тебя – твоей матери, хоть я и удивлена, что ты помнишь. Это слова из «Идуннарквита Брагадоттонар», предание Идунн, дочери Браги, первой из нашего рода.

Сигрун глотнула медовухи из своей чаши, а потом махнула в сторону сестёр, Беркано и Лауфеи.

– Во времена Идунн мы были как они: изгои из десятка кланов-гётов, бежавших из дома из-за войны, эпидемии и преступлений, что требовали кровавой расплаты – вереглид. Такими и нашёл нас Человек в плаще – ведьмы, беженцы и сломленные люди, живущие в нищете, как крысы. Наверное, он убил бы всех нас, если бы его не переубедила Идунн. Она умоляла его о пощаде, а взамен поклялась, что будет служить ему, как и её дочери. Так и появился наш договор – одна жрица, случайно выбранная из потомков Идунн, служит ему до самой смерти. Он больше никому не позволял смотреть на себя. Он выделил нам землю, а Идунн дала нам имя от Вороньего камня. Мы стали Вороньими гётами Храфнхауга.

Сигрун снова сделала глоток, на этот раз больше.

– Но со временем мы забываем. Человек в плаще уже много лет не зажигал огонь войны. Моя мать рассказывала, что в её детстве Вороньи гёты каждый сезон шли вперёд – к границам наших земель, чтобы отразить шведов или норвежцев. Мы уже давно не видели фигуру в волчьем плаще и костяной маске, крадущуюся по краям наших стен из щитов.

– Ты сомневаешься, что он существует? – спросила Диса. Она почувствовала на себе взгляд Сигрун, горячий и острый как копье; девушка заглянула через плечо и увидела высокие скулы своей бабушки с выцветшей татуировкой и сощуренные глаза. Все затаили дыхание, ожидая подгоняемого элем спора.

– Я знаю, что он существует, дитя, – спустя некоторое время сказала Сигрун. – Я видела его – тень среди деревьев, ночной бродяга под нашими стенами. Нет, Человек в плаще существует. Но я сомневаюсь, что ему есть до нас дело.

– Есть, – тихо ответила Диса, чтобы убедить скорее себя, чем других. – В своей манере, перенятой от своего народа, но есть.

– А мы – не его народ? – вздёрнула бровь Сигрун.

Девушка почувствовала, как подобралась к краю древних тайн Гримнира.

– Он бессмертный вестник Спутанного Бога, и это не просто красивые слова, не мне говорить, что он не похож на нас. Мы – не его народ.

Сигрун пожала плечами, но осталась при своём мнении.

– И что она значит? – вставила Ауда. – Эта песня?

– То, что ты слышала. У Идунн правда был дар пророчества, и она предвидела, что миру придёт конец. Она увидела Рагнарёк.

– Ну вот, – прошипел Аск. Ауда в ответ лишь грозно нахмурилась.

Внезапная тишина продолжалась, такая же холодная и хрупкая, как плёнка льда на луже. Ещё немного... и тогда выругался Хредель.

– Имир вас побери! Ведьмы со своими пророчествами! Спойте мне про медовуху и девок или убирайте свои чумные туши из моего дома!

Такое высказывание вызвало раскаты смеха. Беркано, пошатываясь, выпрямилась – нежная Беркано, её лицо светилось от огня и медовухи. А затем она хлопнула в ладоши.

– Я знаю несколько песен, – невнятно произнесла она. – Слушайте, жалкие гёты!

И прежде чем многострадальная Лауфея успела вмешаться, Беркано схватила лиру и сумела наиграть мелодию, подпевая таким же пронзительным голосом, как у кошки во время течки:

Вчера мне снился сон

о шелках и мехах...

Но случайно или намеренно, результат был тем же. Покров злого рока сорвался; постепенно возобновились разговоры, как и резкий смех мужей и просьбы принести эля и медовухи.

– Как я и сказала, это ерунда, – повторила Диса, как для Ауды, так и для себя. Хрут отвёл взгляд; Аск втянул воздух сквозь зубы и вернулся к работе, перегнувшись через плечо Каты и орудуя иглой и чернилами. Ката придвинула к себе отцовскую чашу и осушила, морщась от каждого укола иглы. Диса

встряхнулась и зевнула.

– Я устала, сестра. Пойду спать.

Хоть Ауда и бросила на неё недовольный взгляд, но всё же кивнула.

– Да, тебе это нужно. Выглядишь дерьмово.

– Можно остаться у тебя? – улыбнулась Диса.

– У тебя уже есть дом.

Но даже от мысли, чтобы спать под одной крышей с бабушкой, её всю трясло. Она хотела ругаться и говорить о том, как эта старая ведьма хотела её смерти и что на рассвете одну из них найдут на носилках с брюхом, полным металла, но Ауда не могла – или не хотела – этого понимать. Губы Дисы сжались, чтобы не выдать дрожь разочарования. Поскольку их родство проходило по крови отца Дисы, уже двенадцать лет лежавшего в могиле, Ауде не представился шанс увидеть тайное лицо Сигрун. Она не видела ярости, презрения, бессердечного пренебрежения. Но даже в таком случае Ауда наверняка восхитилась бы этим. «Мир – это наковальня, – говорила она, – а ты – девственная сталь. Твоя бабушка – молот, посланный богами, чтобы придать тебе форму... а меч куют сильной рукой».

Но, видимо, Ауда всё же услышала что-то в её молчании – отголосок меланхолии. Она мягко пихнула Дису под рёбра острым локтем.

– Ты что, забыла? Ты же забрала себе все владения Колгримы... разве туда не входит та дыра, что она звала домом?

В уголках губ Дисы заплясала улыбка.

– Входит.

– Ну так иди, – сказала Ауда. – А я постараюсь заставить этого волосатого язычника, – ткнула она Хрута, – показать мне свой меч. Ну что, воин? Покажешь даме свои владения?

Хрут оглянулся, улыбаясь под густой бородой.

– А тут есть дамы?

– Я никогда не был с дамой, – сказал его брат Аск.

– А с этой и не будешь! За кого ты меня принимаешь, за шлюху из Франкии?

Всё ещё улыбаясь, Диса встала и направилась восвояси. Когда она выходила из Гаутхейма, ей уделяли уже намного меньше внимания. Несколько человек пожелали ей спокойной ночи, а потом вернулись к алкоголю; ярл Хредель рассеянно махнул рукой, а потом продолжил убеждать Лауфею, что ей нужен мужчина как его сын – хоть и упрямый негодник – ради защиты. Бабушка отреагировала на её уход хмурым выражением лица. Диса дрогнула от злобы во взгляде Сигрун, скрывая это под накидкой. Чтобы успокоиться, она сжала нож за поясом и шагнула в ночь.

Холодный ветер принёс с севера несколько толстых снежинок. Было уже сильно за полночь, и сияющий зелёный свет озарял облака, пока невидимый йотнар плясал между мирами. Диса отвела глаза. Она мало чего боялась, но этот странный огонь, покрывающий северное небо, наполнял ее непонятным ужасом.

Девушка добралась до первого уровня, а потом к аллее у ворот. Втиснутая позади дома Кьяртана Сигурдсона и кузницы – почти всегда пустой и холодной – древняя лачуга Колгримы напоминала хижину охотника, с черепами и оленьими рогами, прибитыми к балкам крыши, и полусгнившими шкурами, натянутыми на забор перед домом. Но Диса видела сходство между этой заплесневелой кучей бревен и соломы и домом Человека в плаще.

Диса не знала, чего ожидать, пока шла к двери мимо забора. Это Нифльхель её детства, туманная обитель троллей и ведьм; именно на логово Колгримы указывали женщины Храфнхауга, когда пытались утихомирить своих непослушных отпрысков. И Колгрима играла свою роль – безумные тёмные глаза, одетая в чёрное, с седыми локонами, не знавшими ни гребня, ни кос. Она не раз угрожала повесить Дису на стропилах, как святочного кабана, и высосать всю кровь.

– Когда я стану такой же безумной старухой, которой мамы пугают детей, а те лишь издеваются? – пробормотала Диса.

– Что? – послышался тихий голос сзади. Диса обернулась, хватаясь рукой за рукоять ножа. Знакомая фигура вышла на крыльцо, оттуда где Кьяртан держал свою наковальню.

– Флоки, идиот, – сказала девушка. – Зачем ты тут прячешься?

– Жду тебя, – ответил Флоки. В восемнадцать он был уже выше отца и перенял стройное телосложение и красивые черты народа своей матери. Она умерла, когда производила его на свет; но, вместо того чтобы возненавидеть, Хредель помнил о цене, которую заплатил за сына и наследника, и всегда держал Флоки при себе. Юноша оставался чисто выбритым – признак неопытности в боях. – Повтори, что ты сказала.

Диса махнула рукой.

– Да ничего. Ты... хочешь войти?

– Уверена?

– Кто знает, сколько трупов детей мне придётся разгребать? А ты сильный.

Флоки улыбнулся.

Вздыхнув, она приготовилась и открыла дверь. Жуткий зеленоватый свет замерцал, ничего не раскрывая. Диса перешагнула через дверной проём. У двери стояли кремень, сталь и масляная лампа. Она зажгла свет...

Такого девушка не ожидала. Ни детей с перерезанным горлом, свисающих с крыши, ни покрова из костей на полу, ни странных знаков мелом на стенах. В доме было... чисто. Почти уютно: холодный каменный очаг, кровать, покрытая оленьими шкурами, сундук для одежды, старый березовый ткацкий станок, захламленный стол и стул. В тёплом свете лампы она увидела детали спокойной жизни – жизни, проведённой в качестве посредника между народом, который не ценил её, и чудовищем, которое управляло ими из тени. И внезапно Диса всё

поняла. Это было убежищем Колгримы. Сюда она сбегала, когда не могла сносить Гримнира – здесь отражалась мечта самой Колгримы, желание маленькой девочки жить тихо и спокойно.

И Диса не чувствовала себя чужой. Её будто приветствовала найденная здесь человечность. «Я жила так десятилетиями, – говорил ей дух Колгримы, – ты тоже сможешь».

Флоки за ее спиной удивлённо пробормотал:

– Не совсем то, что я ожидал.

– Да, – согласилась Диса. Она поставила лампу на стол рядом с кучей мусора, которая была похожа на кусочки головоломки. Сломанное веретено, старые потрескавшиеся ножны со сломанным кончиком, пучки трав и дубовый галл, которые надо перетереть. – Но мне подойдёт.

Диса повернулась. Она достала нож в ножнах из-за пояса, бросила на кровать и заметила, как пристально смотрит на неё Флоки из дверного проёма, сведя брови.

– Что случилось?

– Сначала ты. И, кстати, твой отец хочет, чтобы Лауфея грела тебе постель.

– Пусть этот старый пьяница катится к бесам, – выругался Флоки с такой злобой, какую Диса никогда от него не слышала.

– Хрут сказал, ты хочешь вырваться из дома Хределя. Это правда?

Флоки потёр гладкий подбородок.

– Уже пора, будь я проклят! Он растит меня, чтобы через много лет я занял его место, но забывает, что мне нужно показать себя Вороньим гётам, чтобы они приняли меня как их ярла. Я попросил его благословения, чтобы отправиться за Рог с Эйриком Видаррсоном и его братом Ульфом. Может, даже дойти до Эйдара и сразиться с данами. Но он отказался. Я подарил ему восемнадцать лет, Диса.

Пора идти своим путём.

– Ну так иди, – ответила та. – Сделай себе имя и возвращайся в Храфнхауг в ирландском золоте и с легендами морских дьяволов. Если он не женит тебя на Лауфее, мне нужен будет любовник.

– Ты приказываешь мне как жрица Человека в плаще?

– Как твой друг, придурок.

Флоки замолчал, его тёмные глаза отразили зловещий свет небес, когда он взглянул на дверь.

– Может, ты и права. Теперь твоя очередь. Что случилось?

Диса сжала кулак и почувствовала боль в побитых костяшках; она сделала так трижды, сосредоточившись на работе мышц и сухожилий, на ранениях после драки с Гримниром. Она вытерла чёрную кровь на кусочке кожи между средним и безымянным пальцами.

– Я пришла к нему, – медленно проговорила Диса. – Я пришла к Человеку в плаще со злобой в сердце, готовая умереть, а не жить в рабстве. Я бросила ему вызов, рассердила. И когда он намеревался меня убить, я не струсила. Ты мне веришь?

– Ты всегда была похожа на мать, – ответил Флоки, облачиваясь на косяк.

– Хотела бы я больше помнить о ней, – Диса села на край кровати. Затем взяла нож и наполовину вытащила лезвие из ножен.

– Он отдал мне его, Человек в плаще, после того как почти раскрошил череп. Сказал: «Каждой птичке нужны когти». Это моё. Так разойдётся моя слава. – Металл завизжал, когда снова потёрся о ножны. – Но я должна играть свою роль.

– Ты будто не уверена.

Диса подняла взгляд.

– Нет, я уверена. Просто... – Она попыталась найти слова, чтобы объяснить свои чувства, но не нарушить клятву. Наконец она указала на скрытое прибежище Колгримы. – Как думаешь, почему Колгрима скрывала это место? Почему никому не позволяла увидеть что-то за грозной маской – то, что она была женщиной из плоти и крови за чёрным саваном ведьмы?

– Чтобы производить впечатление, – сказал Флоки. – Её имя зазвучало из-за слухов о колдовстве.

– Но это не всё, – согласилась Диса, а потом подняла взгляд. – А что, если у меня этого нет? Что, если я подобна этим ножнам, пустым и бесполезным, если не заполнить их железом и кровью битвы?

Но Флоки лишь хмыкнул. Он сделал два шага в маленький дом, обхватил голову Дисы руками и поцеловал её со всей страстью человека, которому уготовлен путь. Человека, которому нужно было далеко идти, но кто-то уже ждал его у очага.

– И ты ещё зовёшь меня идиотом, – сказал он, отступая к двери. – Какая же ты зануда. Если дать тебе всё, о чём ты мечтала с пелёнок, ты всё равно найдёшь способ пострадать. А я отправлюсь в Эйдар, Ирландию и Вальхаллу. Когда мы увидимся в следующий раз, я буду стоять на корабле из золота!

Диса не заплакала. Она улыбнулась.

– Я просто хочу увидеть тебя с бородой, придурок.

Флоки закатил глаза к небесам. Зловещий свет потух, не оставляя ничего, кроме несущихся косяков из облаков и яркой выпуклой луны. Юноша подмигнул и закрыл за собой дверь.

Диса услышала, как его шаги затихли в ночи, потерявшись где-то в районе безмолвной кузницы Кьяртана Сигурдсона. Она села на край кровати. У неё болело лицо. Зрение затуманилось; она зевнула, посмотрела на холодный очаг с поленьями и растопкой, ожидающими лишь искры от удара кремня о сталь. Девушка знала, что надо встать и разжечь огонь, но усталость так глубоко вонзила в неё свои когти, что она едва могла пошевелиться. Дисе кое-как

удалось сбросить с себя ботинки, а потом зарыться под меха, покрывавшие кровать, – меха, которые слабо пахли старыми травами и пылью. И пока она уплывала в спокойный сон, схватила рукоять своего ножа и заключила его в любовные объятия.

После этого Диса Дагрундоттир провалилась в небытие.

6

Когда окончательно встало солнце, началась барабанная дробь. Сначала Диса подумала, что это всего лишь её голова, больная из-за доброй порции медовухи, отсутствия отдыха и серьёзной трещины в черепе. Она застонала и поплотнее укрылась мехом. Но дробь продолжалась, как бы сильно девушка её ни игнорировала.

А потом мужской голос начал кричать её имя:

– Диса! Ради последнего глаза Одина, Диса! Вставай!

Ее дверь чуть не сорвалась с петель, когда в нее замолотили рукояткой кинжала. Рыча и сыпля проклятиями, Диса скинула меха и скатилась с кровати. Растрёпанная, с подбитым глазом, синяк от которого растёкся почти на пол-лица, она заковыляла к двери и распахнула её. В дом полился свет, а за ним вошли две тени незваных гостей.

– Что тебе надо, сранобородый, вонючий, голодающий ублюдок?

– Следи за языком, девка, – услышала Диса грубый голос бабушки. Но у неё не было на это сил. Глаза слезились, а голова болела так, как никогда в жизни.

– Сама следи! Я спросила, чего надо?

Диса прищурилась, разглядывая того, кто стоял перед ней – крупный и почти на голову выше. До неё дошло, что это ярл Хредель; его глаза тоже слезились после долгой ночи. Золотой амулет вокруг его шеи ловил лучи утреннего солнца

и отражал их – острые полосы света, на которые Дисе было больно смотреть. Хредель убрал кинжал. Затем он дрожащими пальцами разгладил тронутую сединой бороду.

– Мой сын. Где он?

– А мне с чего знать? – пожала плечами Диса. – Я ему не нянька.

Сигрун за ним ударила по стене дома сжатым кулаком.

– Глупая девка! – прорычала она. – Твой ярл...

Но до того, как Диса успела озвучить колкие проклятия, уже готовые слететь с языка, вмешался Хредель.

– Тише! – сказал он, оглядываясь через плечо. – Принеси девочке воды и обеспечь её едой. – Затем он снова повернулся к Дисе: – Можно войти?

Дисе хватило ума не посмеяться над замешательством на бабушкином лице. У Хределя был хорошо ей знакомый взгляд – едва сдерживаемая тяга к насилию. Он напомнил ей, что хоть Хредель Квельдульфсон и не был самым суровым воином Храфнхауга, но всё же он не просто так занимал пост ярла.

Сигрун ушла выполнять поручения Хределя. Диса жестом пригласила ярла войти. Он быстро её послушался. Судя по выражению лица, ярл ни разу не был в доме Колгримы. Диса поставила перед ним стул, а сама села на краешек кровати. Девушка потёрла ноющий лоб, провела той же рукой по спутанным локонам, а под конец подпёрла ею же щеку.

– Так что? – спросила она, сдерживая зевоту.

– Флоки пропал, – ответил Хредель. Толстые пальцы левой руки крутили кольцо на правой. – Выскользнул ещё до рассвета. Сыновья Видара, Эйрик и Ульф, и бастард Сигрефр ушли с ним.

Снаружи слышался тихий шорох. Хредель выругался из-за очередной заминки; Диса же ухватила этот шанс, чтобы собраться с мыслями. Она встала, открыла

дверь и увидела опущенное лицо Брингерд – одной из младших Дочерей Ворона. Она протянула Дисе корзинку с флягой воды, ещё одной флягой эля, хлебом, кувшином масла и маленьким сосудом с мёдом. Диса улыбнулась девушке, забрала её ношу и отправила восвояси.

– Думаешь, я его спрятала? Сунула под кровать? – спросила Диса, возвращаясь на своё место.

Хредель сузил глаза, но сдержал свой гнев.

– Мой сын любит тебя, – сказал он, не обращая внимания на её покрасневшие щёки. – Я думал, возможно...

– Ты думал, возможно, он забудет о своей клятве отправиться за Рог и заслужить себе бороду?

– Это не твоё дело, – резко и холодно ответил Хредель.

– Теперь моё, – вспыхнула Диса. Она распрямила плечи и с обвинением ткнула в ярла пальцем. – Тебе что-то от меня нужно, верно? Ну так скажи всё, что знаешь!

Какое-то время Хредель покусывал губы, а потом, наконец, сказал:

– Он боялся, что третья суровая зима подряд может принести за собой голод. Вчера он попросил моего благословения повести мужей на юг и запад, за Рог. А если этот поход не принёс бы своих плодов, пойти дальше к Эйдару и следить за шведами. Может, отправиться в Данию и Ирландию. Разумеется, я видел его насквозь. Это всё юношеская глупость. Повод...

– Заслужить бороду? – Эти слова сразили ярла как удар. И всё же он стойко его принял. – Ты отказал, и тогда он собрал доверенных ребят и ушёл.

Диса втянула воздух сквозь зубы и очень аккуратно подбирала следующие слова.

– Ты не думал, – сказала она, – просто отпустить Флоки? Послать с ним парочку своих тегнов – проверенных воинов, – но попросить их не высовываться. Ему

нужна свобода, ярл. Чтобы встать на ноги и быть самостоятельным.

– Значит, теперь ты знаешь его лучше меня? – заявил Хредель, уже не сдерживая гнев. – Это ты наблюдала, как его братья умирали? Один за одним? Ты смотрела, как его мать родила последнего и умерла от слабого сердца? Поэтому ты решила, что вправе читать мне нотации, как растить сына?

Диса нахмурилась.

– Нет, – ответила она через какое-то время. – Нет, но всё же я знаю, что он не просто ребёнок, убежавший из дома. Ему восемнадцать лет, почти девятнадцать, и неправильно растить его подле себя. Почему ты пришёл ко мне? Что тебе нужно, ярл, если не мой совет?

Хредель поднял взгляд, его свирепые глаза увлажнились и заблестели невысказанными сожалениями.

– Я служил Человеку в плаще всю свою жизнь. Я ничего у него не просил. Всегда ставил нужды Храфнхауга выше своих. Но сейчас я прошу у него одолжения. Сходи к нему, девочка! Попроси – умоляй, если надо, – вернуть мне сына! Флоки – всё, что у меня осталось...

Диса потрясла головой.

– Мне сказали не возвращаться до новой луны.

Диса даже не успела заметить, как длинные пальцы Хределя обхватили её горло; ярл поднял её с кровати, потрянул и впечатал в камин. После такого удара хижина скрипнула, а в глазах Дисы заплясали звёзды. Её нож стукнулся об пол.

– Идиотка! – Из рта Хределя летела пена, когда он приблизил его к Дисе, дыхание отдавало жаром и кислым вином. – Ты попросишь! Пойдёшь и уговоришь его помочь! А если он откажет – да услышит Один мою клятву! – если так, то я точно пошлю против него воинов, и мы выжжем из этих земель даже его имя!

Тогда ярл отпустил девушку. Задыхаясь, Диса соскользнула на пол. Она потёрла горло, следы от пальцев всё ещё ярко горели на белой плоти.

– А ты думаешь, угрозы помогут уговорить Человека в плаще? – с трудом проговорила она, краем глаза поглядывая на рукоять ножа. Она почти что схватила его и зарезала своего вождя и плевать на последствия. Но вместо этого Диса скорчилась и нетвёрдо поднялась на ноги. – Ты и лучше меня понимаешь, что Человек в плаще не из... милосердных. Сбежавший из дому парень, который хочет проявить себя, вряд ли его заинтересует. Он потребует плату.

– И что? – рыкнул Хредель, сжимая её руку. – Скажи ему, что я отдам всё, лишь бы мой сын вернулся живым, будь то из Эйдара, из Дании или из самого Хельхейма! Или скажи ему, что я приду за его проклятой головой, если он откажет! Мне плевать, как ты это сделаешь, девчонка! Просто заставь его вернуть мне сына!

Диса вырвалась из его хватки.

– Я передам ему, ярл, – прошипела она. – Он поймёт. Даю тебе слово.

Хредель кивнул. Он отошёл и встряхнулся, как медведь, пробуждающийся от спячки. Отчаявшийся отец медленно растворился. Вскоре перед девушкой снова стоял ярл Храфнхауга. Глава Вороньих гётов. Он сунул руки за изукрашенный пояс и подождал, пока Диса откроет ему дверь. На улице, за пределами слышимости, стояла Сигрун и ещё несколько человек, ожидающих Хределя. Ярл встал у порога. Он кивнул людям и повернулся, чтобы встретиться взглядом с Дисой. У него были холодные карие глаза, но за ними очевидно скрывалось безумие, сдерживаемое цепью воли. Улыбка, тронувшая его губы, была лишена теплоты.

– Мужчины считают меня мягким, – его голос был едва громче шёпота. – А женщины – слабым. Я видел твои глаза, девчонка. Видел, как ты просчитывала, успеешь ли схватить нож и всадить мне в брюхо. Я понимаю, почему мой сын восхищается твоей храбростью. Но запомни, и хорошенько: если ты хоть подумаешь о том, чтобы угрожать мне, тебя не спасёт даже Человек в плаще.

Улыбка Дисы была такой же; её глаза походили на глыбу льда.

– Если ты веришь в это, – сказала она, – то ты ещё глупее, чем кажешься. Прикажи приготовить мне лодку. Я выхожу через час.

Не дожидаясь ответа Хределя, Диса захлопнула перед ним дверь.

Внутри было тихо. Пылинки кружились в косом свете, падавшем через окно с роговым стеклом. Диса застыла спиной к двери и вслушивалась. Она слышала, как Хредель ушёл, а потом донёсся резкий голос её бабушки:

– Ну?

А затем ничего. Птица клюнула карниз кузницы Кьяртана; рядом залаяла собака.

«Ну что ж», – подумала Диса и подошла к корзине. Её дрожащая рука застыла над двумя флягами – с водой и с элем. Девушка стряхнула страх с конечностей, выругавшись про себя, и схватила эль. Она осушила флягу за несколько глотков. Крепкий алкоголь помог ей взять себя в руки. Диса вытерла рот рукавом туники. У неё есть час, а потом ещё немного, чтобы придумать веские аргументы, зачем Гримниру влезать в дела отца и сына, а не упоминать об угрозе Хределя. И по тупой боли в глубине живота она понимала, что ничем хорошим это не кончится.

И всё же дело не совсем плохо. Просьба Хределя стала причиной, чтобы вернуться. И хоть часть её ненавидела Человека в плаще, ей хотелось поскорее начать тренировки. Диса набросилась на буханку хлеба, перечисляя в голове, что ей будет нужно. Нож, разумеется, новая одежда; еда и, возможно, подкуп в виде медовухи...

Хредель продумал всё. Два Бьорна, Белый и Чёрный, провели Дису в фереринг, четырехвесельную лодку, похожую на миниатюрный корабль, и поплыли через Скервик. Старый, дряхлый гёт сидел на корме, положив морщинистую руку на румпель, а двое Бьорнов работали веслами. Диса знала его только как Хюгге – старого Хюгге, – по их подсчетам, ему было около ста лет, что делало его самым древним человеком в Храфнхауге. Хоть он и был старше некоторых деревьев, Диса смотрела, как он преобразился после того, как его пальцы коснулись еловой древесины румпеля. Годы слетели с его конечностей, как листья с дуба. Крепкие белые зубы сияли в спутанной серебряной бороде, пока старый Хюгге вёл их через тёмные воды Венерна.

Два Бьорна быстро гребли, даже учитывая, что сзади была привязана лодка поменьше. Это была идея Дисы – взять с собой кейпр. Девушка спрячет у края озера двухвесельный челнок, – сказала она Хределю, и как только получит ответ Человека в плаще, то вернётся в Храфнхауг за час.

Киль заскрежетал о гальку; старый Хюгге откинулся на румпель, его морщинистое лицо в лучах полуденного солнца являло собой воплощение безмятежности. Бьорн Хвит вытащил Дису из лодки и понёс на берег, а Бьорн Сварти вытянул кейпр на гальку и положил килем вверх под завесой вечнозеленых кустарников, спятав под ним весла.

– Мы подождём тебя здесь, – сказал Бьорн Хвит, передавая Дисе её кожаный мешок. Он взглянул на небо, где собирались облака. – Скоро начнётся непогода.

– Это необязательно, – ответила она, кивая в сторону Бьорна Сварти, который заканчивал прятать кейпр. – Он может ответить не сразу. Но передай ярлу, что я приплыву, как только Человек в плаще примет решение.

Бьорн Хвит засомневался, но в итоге согласился. Бьорны быстро попрощались и отплыли, а старый Хюгге вернулся к жизни, как только вёсла коснулись воды.

Диса недолго смотрела им вслед, затем перекинула мешок через плечо и отправилась в путь. В отличие от вчерашнего, сегодня она подготовилась: заплела волосы в собранную на затылке косу и закрепила гребнями из китового уса; переделалась в свежую тунику, выкрашенную в тот же оттенок зеленого, что и ветви ели, и вышитую чёрной нитью. На Дисе были мужские штаны из неокрашенной шерсти, собранные до колен резинками, и сапоги с подкованными подошвами из прочной бычьей кожи. Поверх она надела плащ из шерсти и волчьего меха, который дала ей Халла. А на бедре, поддерживаемый широким кожаным ремнем с пряжкой из кованой бронзы, висел её нож в ножнах.

Она добралась до пограничного камня на вершине холма, в половине лиги от берега, меньше чем за час. Однако, поравнявшись с камнем, она замедлила шаг, а потом остановилась. Что-то потревожило волоски на её шее. Что-то невидимое. Диса положила руку на рукоять ножа. Её взгляд прошёлся по линии деревьев вдалеке, их корни окутывал тонкий туман, который поднимался по склону с болот. Весь лес охватила жуткая тишина. На неё нахлынули непрошенные образы из снов: её ждёт фигура; она имеет человеческую форму, хоть и сгорбленную и

такую же искривлённую, как посох, на который опирается. На ней просторный плащ и низко надвинутая широкополая шляпа. Из-под полей поблескивает один злобный глаз.

Она медленно обернулась...

И там стоял Гримнир. Он присел на корточки с подветренной стороны пограничного камня, прислонившись к тому плечом, его чёрные волосы были спутанной вуалью, сквозь которую здоровый глаз сиял, словно тлеющий уголёк. Его нос сморщился, а ноздри раздулись; он втянул воздух над землёй.

– Боишься, птичка?

Диса расслабилась, но лишь немного.

– Я... я думала, это кто-то другой.

– Неужели? – хмыкнул Гримнир. – Кто, кроме тебя, будет таким глупцом, чтобы без приглашения явиться на мои земли? Они с тобой? Зови, и тогда я сниму кожу с их костей и повешу на куст!

Диса тихо выругалась.

– Что ты сказала, дрянь?

– Я сказала: сегодня что, у всех шило в заднице? – Махнула она рукой вперёд. – Я никого не видела и за мной сюда никто не шёл! Просто... воздух стал... я не могу объяснить. Он будто затих. Затих и ожил одновременно, прямо как перед бурей. И это напомнило мой сон, вот и всё.

Гримнир вскинул бровь.

– И ты была готова биться, птичка? Достать свой коготь и выколоть глаза невидимого врага?

– Глаз, – поправила Диса. – Во сне у него был один глаз.

Гримнир выпрямился, посмеиваясь.

– Значит, ты не слепая, что хорошо. А плохо то, что у тебя не хватает мозгов считать.

– Что? – замешкалась Диса.

– Что слышала! Тебя не обучили цифрам? – Пряжка звякнула, когда Гримнир прыгнул на тропу. – Потому что, по моим подсчётам, ты на двенадцать дней раньше новой луны. Вот я и задаюсь вопросом, – ткнул он пальцем в Дису, – зачем ты тут слоняешься, идиотка?

– Меня прислал ярл Хредель.

Гримнир презрительно засопел.

– И что теперь нужно этому вонючему псу? Вспороть кому-то глотку? Пырнуть в ночи и утопить в болоте? Вся ваша бесполезная шайка, кажется, забыла, кто здесь командует, а кто служит.

Диса хотела шагнуть к нему, но засомневалась.

– Он не забыл, – сказала она. – Он верно служит Человеку в плаще, тебе, всю свою жизнь. Теперь он просит об услуге. О плате за его преданность.

– О плате, говоришь? – сузил глаза Гримнир. – И что же ему нужно?

– Его сын, Флоки. Он убежал с друзьями охотиться у границ Гётландии или обирать народ Эйдара, на юге озера.

– Эйдар? – Гримнир вдохнул сквозь сжатые зубы. – Я знаю это место. Там полно мелких шведов и скупых данов, которые с ними торгуют. Все они скоты. Были бы со мной мои верные воины, я бы давно вскрыл эту мозоль и выжал. Парень вашего вождя не дурак, но слегка самонадеян, если думает, что только вылупившиеся три гёта-сосунка справятся с этим гнездом скупердяев. Ваш придурок Хредель хочет, чтобы я показал парням, как это делается?

Диса потрясла головой.

– Он просит тебя остановить Флоки. Найти его и вернуть. – Но сразу после этого Диса осознала, что выбрала не то слово. Лицо Гримнира потемнело, а глаз запылял.

– Вернуть? Этот пьяница считает меня верной собакой? Я должен вернуть ему парня, как в игре с палкой? – Гримнир отхаркнул слизь и выплюнул на пограничный камень. – Вот мой ответ! Передай своему ненаглядному Хределю, что в лучшем случае его недоумка не убьют сразу и шведы пришлют, что от него осталось!

Диса уставилась на него, не осознавая то, что услышала. Гримнир пророчил Флоки рабство или что похуже только из-за одного слова, в котором углядел несуществующее пренебрежение? Гнев девушки усилился. Она фыркнула и топнула ногой.

– Ты... косой, слюнявый недоумок! Имирова борода! Я не об этом говорила! Флоки – хороший человек! Один из лучших! Хредель не хочет, чтобы его сын умер напрасно, чернозубый ты олень! Флоки уготована судьба получше, чем целовать сапоги какого-то шведского проходимца!

Ноздри Гримнира раздулись. Он сузил глаза, а в уголках рта заплясала улыбка.

– Вот оно что? Теперь всё ясно. Надо было сразу сказать мне правду, птичка.

– Правду? – нахмурилась Диса. – Какую правду? О чём ты болтаешь?

Гримнир отвернулся, когда его ухмылка переросла в широкую улыбку – как у кота, играющего с мышью.

– Сказала бы, что парень тебе нравится.

Это обвинение на мгновение просто застыло в воздухе. Хоть Дисе и было почти шестнадцать, но она уже успела узнать мужчин достаточно хорошо, чтобы понимать, когда её заманивают в ловушку. Гримнир хотел позлить её, заставить нервничать и смущаться ради своей забавы. И хоть этот ублюдок не был

человеком, она всё равно понимала, как вывести его из себя.

– Ну и что, если так? – спросила она через какое-то время, гордо вздёрнув подбородок. – Он умён и ловок, как и подобает молодому гёту. Однажды он станет важным человеком. Не самый плохой выбор. А что, моя симпатия поможет тебя уговорить?

Гримнир пожал плечами.

– Так игра становится интереснее. – Он бросил на неё изучающий взгляд. – А ты тоже ему нравишься?

Девушка снова не повелась на подстрекательство и скрыла свои чувства.

– Вряд ли, – соврала она. – Хотя Хредель уговаривал его, потому что так смог бы больше контролировать мою бабушку. Но Флоки?.. – Она передёрнула плечами, скорчив рожицу. – Не знаю.

– Но ты хочешь его пощадить?

– Хочу.

– Хочешь, чтобы он вернулся в тёплую кроватку под охраной его бесполезного пьющего отца?

Диса сглотнула. Если честно, она хотела, чтобы Флоки показал себя вдали от Хределя, но... Она кивнула.

– Хочу.

Гримнир обошёл её, сузив глаза. Фальшивый глаз цвета серебряной кости отразил свет, сверкнув руной.

– И что ты за это отдашь, птичка?

Диса поняла, что её загоняют в ловушку. Она посмотрела на него настолько же внимательно, вторя его движениям.

– В каком смысле?

– В прямом. Что ты отдашь, чтобы твой прекрасный Флоки вернулся целым и невредимым.

– Я... у меня ничего нет.

– У тебя есть плоть, не так ли? – сказал Гримнир. – У тебя есть кровь в жилах. Пот на лице. Солёно-сладкие слёзы агонии.

Диса замешкалась, но потом ответила:

– Да, всё это у меня есть.

– И ты готова их отдать?

– Да, но...

Гримнир перестал наворачивать круги. Одна жилистая рука легла на рукоять его ножа. Диса услышала, как стучит его чёрный ноготь по наконечнику.

– Вот тебе сделка, птичка: хочешь, чтобы я вернул твоего драгоценного Флоки? Я согласен... но только если ты сможешь пролить мою кровь.

– Я пролила твою кровь вчера, – ответила девушка. Но в это же время она сама потянулась к ножу.

– Вчера? Это была удача, – рявкнул Гримнир. – На этот раз всё будет по-настоящему!

– И что будет с Флоки, если я случайно тебя убью?

На этом Гримнир откинул голову назад и громко рассмеялся. Он кашлял и плевался, вытирая глаза тыльной стороной руки.

– Какая же ты наивная идиотка! Теперь понятно, почему тебе нравится этот придурок Флоки – он такой же самоуверенный, как и ты. Не волнуйся за меня. Если после двенадцати веков я не смогу защититься от такого новорожденного щенка, мне не стоит жить.

– Один порез, – сказала Диса и незаметно переместила вес на ведущую ногу. – Один порез – плата за помощь моему другу, сыну моего ярла? Сыну человека, который беспрекословно служил тебе?

– Пролей мою кровь и считай, что он уже дома, в кроватке, – ответил Гримнир, а потом предостерегающе поднял палец. – Но лучше не сдерживайся, птичка. Если я почую хоть каплю сомнений, я заберу у тебя эту игрушку...

И до того, как Гримнир закончил фразу, Диса атаковала. Удерживая ножны свободной рукой, она одним плавным движением выхватила нож и нанесла удар. Кончик клинка метнулся к подбородку Гримнира. Он не двинулся с места, просто откинул голову назад, и её атака прошла мимо. Но прежде чем она успела опомниться, он шагнул вперёд и ударил её по лицу.

Диса упала, согнувшись пополам, нож выскользнул из ослабевших пальцев. Она схватилась за лицо. Горячая кровь текла из её уже разбитого носа – кровь, которой она захлебнулась, когда набирала воздух, чтобы закричать. Девушка сплюнула и выругалась; ослепленная потоком слёз, она нащупала упавший нож.

Тогда Гримнир решил пнуть её под рёбра.

От удара его ботинка из её лёгких вырвалась кровавая пена; она задышалась и корчилась, хватая ртом воздух.

Гримнир наклонился сверху.

– Мне нужна эта плоть, птичка. Каждая капля крови, пота и слёз. Покажи свою храбрость, скотское отродье. Хочешь спасти своего любимого Флоки? Докажи! Нападай на меня. Пролей мою кровь, если сможешь.

И с этими словами Гримнир подскочил и выхватил её кожаный мешок. Издевательски усмехнувшись, он вприпрыжку побежал по тропинке к своему дому.

Какое-то время Диса лежала неподвижно. Затем, стиснув зубы от волны тошноты, она перекатилась на колени. Потом выудила свой нож из опавших листьев, вложила его в ножны и с трудом поднялась на ноги. Мир поплыл. У неё было такое ощущение, словно по её лицу ударили плашмя лезвием топора. Но всё же девушка стояла прямо. Она сплюнула кровь, а затем вытерла рот рукавом туники.

И со смертоносным светом в глазах Диса отправилась за Гримниром.

7

Гримнир добрался до верхней ступени дома – там, где они позавчера говорили первый раз, – когда Диса вышла из-за деревьев на краю хребта. Он ухмыльнулся, наблюдая, как она медленно идёт к долине.

Он сел. А пока ждал, копался в её мешке. У птички не было ничего ценного. Ни монет, спрятанных среди туник, ни украшений, укрытых в грубой льняной сумке с буханкой хлеба и твёрдым сыром; ни костей и серебра, утаенных в маленькой сумочке с гребнями, костяными заколками для волос, бронзовыми иглами и мотками ниток. Надежду дарили только шерстяные носки. Гримнир взвесил их, ощутил тяжесть и услышал плеск жидкости. Он причмокнул губами, оттягивая шерсть, и нашёл две глиняные бутылки, закупоренные пробками.

Гримнир вытащил пробку и вдохнул резкий запах перебродившего мёда. Он отсалютовал девушке кивком головы, когда она дошла до болота и тропы из брёвен, ведущей к дому, поднял бутылку и осушил половину содержимого тремя длинными глотками.

Он поморщился. Медовуха была уже не той, что раньше. В те времена, когда здесь правил Гиф, после битвы в ютландских болотах, в которой погиб брат Гримнира, а судьба его народа была сломлена, у гётов было больше

возможностей путешествовать и торговать – тогда их не окружали верные псы Пригвождённого Бога, как сейчас. Тогда гёты покоряли мир и привозили домой мёд с запада Англии, из долин реки Роны, из дальнего Археймара на берегах Днепра. Гримнир помнил, что помимо мёда они доставляли домой благовония, серебро, драгоценные камни, золото, сталь и качественную кожу. И из всего этого они делали хорошие подарки вестнику Спутанного Бога, защитнику Храфнхауга, который хранил мужчин и следил за женщинами, пока их мужья отправлялись вдаль.

Те старые гёты знали, как варить хорошую медовуху – и как поклоняться тем, кто выше них. А эти? Гримнир харкнул и сплюнул. Нар! Эти же знали только как ныть и плакать. И что ему предлагают за всю работу? Остатки собачей мочи с мёдом, которую называют медовухой! Гримнир подумал перевернуть флягу и вылить пойло, что отравит сорняки и почву. Но лучшего он, пожалуй, уже не получит, а сын Балегира не был расточительным. Он запрокинул голову и осушил бутылку, не позволяя жидкости задерживаться на языке.

Все изменилось, подумал Гримнир, сжимая теперь уже пустую бутылку. Теперь всё не так, как раньше. Древние времена были лишь воспоминанием, даже меньше. Были легендой – языческими сказками в памяти народа Пригвожденного Бога. Все они идиоты! Они жаждали спасения своего Белого Христа! Пыхтели в ожидании, как сучки во время течки! Но когда пришло время учить своих детей традициям Пригвождённого Бога, рассказывать о деяниях его и присягнувших ему людей, никто и пальцем не пошевелил. Остановило ли это их? Нет, они просто украли всё, что нужно, из древних времён, изменили имена и сделали из свиней святых.

Рыкнув, Гримнир швырнул пустую бутылку вниз по ступенькам, когда Диса дошла до них. Посудина ударилась и разлетелась вдребезги, осыпав её осколками. Её проклятия были такими же грязными, как и у его старых приятелей.

Что они украдут у меня, чтобы добавить это в свой мир? Наверняка сделают из меня монстра, зверя болот и долин. Годного только для того, чтобы затупить клинок какого-нибудь благородного героя, целующего крест. Фо! Его сделают святым и будут петь его предсмертную песнь сотням грядущих поколений.

Но кто будет петь мою?

Этот вопрос мучил сына Балегира. Кто споёт о его деяниях? Точно не старый Гиф, брат его матери. Он уже четыреста лет лежит в могиле – погиб, сражаясь бок о бок с бандой саксов-язычников против франкского паршивого короля, Карла Магнуса. Гримнир исполнил свою предсмертную песнь в сожженной деревне в устье реки Эльбы. Кульминацией стало принесение в жертву местного священника, жилистого мужчины с обветренным лицом и бородой с проседью; его труп последним лёг на погребальный костёр Гифа. Сладкий дым сожжённой плоти вызвал тени мертвых из мрачного Настронда – забытого зала, где девять отцов каунара строили козни и планировали свою месть проклятым асам. Они услышали песню Гримнира и поняли, кто к ним пришёл.

Но он был последним из своего народа. Последний из каунаров, оставшихся бедствовать в Мидгарде. Кто споет мою? Этайн? Нет, тот подкидыш, которого он оставил в Эриу, уже давно перешёл на сторону Пригвождённого Бога. Призовёт ли Халла тени его сородичей из Настронда или из этого жалкого клочка земли? Он посмотрел на Дису, которая тяжело поднималась по лестнице, желая его крови. «Возможно, – подумал Гримнир, поднимаясь на ноги, – возможно, я спою свою песню».

Гримнир встал в бойцовскую стойку; сталь заскрежетала по железному горлу его ножен, когда он вытащил край длинного охотничьего ножа.

Диса поднялась до крыльца дома, она запыхалась, а из дважды сломанного носа всё ещё шла кровь. И всё же она не остановилась. Как только её нога коснулась верхней ступени, девушка набросилась на Гримнира.

И Гримнир сошёлся с ней клинками.

Сталь заскрежетала, сталкиваясь друг о друга, а затем зазвенела, как зловещие колокольчики. Диса налетела как буря, хотя и не позволяла застать себя врасплох в пределах досягаемости длинных рук Гримнира. Она пританцовывала, рубила его в слепую сторону, наносила удары в живот и снова танцевала.

Гримнир усмехнулся. Эта крыска явно уже играла с клинком; она умела парировать и отходить так, чтобы не оставлять себя открытой, но у неё не было искусства. Бороться с ней – всё равно что уворачиваться от ветки ивы во время шторма. Она была быстрой и непредсказуемой, но её ударам не хватало силы.

И она медлила. Диса сделала дикий выпад поперёк своего тела, буквально швырнув в него лезвие в надежде, что оно попадёт в цель. Гримнир с трудом парировал удар. Их лезвия встретились, и удар едва не выбил клинок Дисы из руки. Она отшатнулась, широко распахнув глаза.

– Идиотка! – прошипел он. – Хватит мельтешить. Ты же не дрова рубишь! И хватит пританцовывать. Двигайся с напором.

Гримнир раскачивался из стороны в сторону, каждый шаг приближал его к цели. Он перебросил нож из руки в руку, и это движение привлекло внимание Дисы. В тот момент, когда она отвела от него взгляд, Гримнир схитрил – его поза и движение напоминали глубокий выпад, но тот был ложным. Диса отскочила назад, не давая отпор. Гримнир усмехнулся.

– Пусть твой в будущем мёртвый враг увидит то, чего нет.

Диса кивнула, нахмутив брови. Она сделала вдох...

И быстро, как змея, она вонзила что-то в землю и швырнула это в Гримнира. Он отпрянул, когда шерстяной носок отскочил от его груди; мгновение спустя он почувствовал, как кончик её ножа скользнул по его животу в кольчуге.

Неплохо. Эта дрянь почти меня задела.

Диса выдохнула, в её дыхании слышалось ужасное проклятие. Она скользнула взглядом по его фигуре, оценивая.

Почти.

Гримнир воспользовался этой короткой паузой, её мимолётной потерей концентрации, пока искала струйку крови, которую могли вызвать ее удары; и воспользовался безжалостно.

Перевернув нож так, чтобы спереди была тяжёлая тупая рукоять, Гримнир сделал ложный выпад влево; Диса подняла нож, чтобы парировать высокий удар слева. Вместо этого Гримнир отбил открытой ладонью её руку с клинком дальше влево, одновременно нанося удар по правому виску, над ухом. Раздался громкий

треск; Диса ахнула. Она выронила свой нож, когда её глаза закатились. Девушка покачнулась и повалилась влево, лицом вперед на травянистое покрывало перед крыльцом дома. Она лежала, безмолвная как могила.

Гримнир втянул воздух сквозь зубы.

– Слабая, идиотка, – пробормотал он, убирая нож. Подойдя к ней, он схватил её за руку и грубо перевернул на спину. Диса лежала с полуоткрытыми глазами, как тряпичная кукла, с линии роста волос стекала кровь. Он ударил её не так уж сильно, и потом, густая масса волос приняла на себя часть удара, ну или так ему показалось; и всё же он точно узнал звук проломленного черепа.

Гримнир выпрямился. Он сплюнул, а затем закричал через плечо в дом:

– Халла!

Он услышал шарканье босых ног старухи-тролля, когда та подошла к двери, но не вышла. Хотя солнце и было скрыто завесой облаков, оно всё равно имело силу превратить её народ в камень. Гримнир услышал, как она остановилась, выглядывая наружу, а затем:

– Что ты натворил?

– Она слаба, карга! – хмыкнул Гримнир. – Как и весь её вид. Слабые и бесполезные.

Халла презрительно зашипела.

– Тащи её в дом и поживее.

Под фундаментом дома, вниз по двадцати семи ступеням из сырого камня, вырубленным в земляной насыпи, располагался подвал. Это была не кладовая и не просто обшарпанная и лишенная света дыра, куда бросали гнить всякий мусор, с глаз долой и из сердца вон. Нет, размеры этого подвала были точными: вдоль стен тянулись восемнадцать каменных плит с вырезанными на них рунами, каждая шириной в фут; ещё девять шли по ширине с обоих концов.

Балки из закалённого на огне ясеня образовывали сводчатый потолок с тяжелыми столбами в каждом углу, вырезанными из того же дерева. Единственная каменная плита лежала плашмя на земляном полу подвала. Всё это было делом рук Гифа – старшего сына Кьялланди и брата Скрикьи, матери Гримнира; провидца и колдуна.

Именно сюда Гримнир принёс Дису. Он положил девушку на каменную плиту. Её тело дрожало и сотрясалось конвульсиями, а белки глаз просвечивали сквозь полуоткрытые веки.

– Фо! – пробормотал он. – Говорю же, не так сильно я её и ударил.

– Идиот, – оскалилась Халла, её тон был безапелляционным. – Иди. Я сделаю всё, что смогу, и молись, чтобы этого было достаточно. Иди, говорю!

Троллиха втянула воздух и прогнала Гримнира резким движением руки, а сама повернулась и начала собирать всё необходимое. Она слышала, как захлопнулась дверь в подвал, а затем вернулась к Дису и села возле неё, поджав под себя колени. Удар по виску девушки пробил ей череп; восстановление такой травмы было вне возможностей Халлы. Она останется такой, а к ночи умрёт, если только...

Если только...

Созвездие глубоко вырезанных рун вокруг, выполненных из сияющего серебра, излучало неземной свет. В этом слабом сиянии троллиха запела мелодичным голосом:

Под карнизом сидела старуха из Мюрквида,

Она взрастила там кусты и деревья.

Пока она пела, Халла использовала каменный пестик, чтобы растолочь ингредиенты в ступке размером с череп. Сначала конопляное семя и янтарь...

А они растили её в ответ,

Прикрывая от ненавистного света Сола.

Затем восковая зелень, соскобленная с бронзового слитка, смоченного в уксусе...

Помните этот договор, ландветтиры древности,

Что помогали мне в минувшие дни.

И железные опилки от раскалённых чёрных камней, которые сами боги швыряли с небес...

Я знаю девять миров, девятый – в дереве

С крепкими корнями под плесенью.

Наконец, Халла налила крепкого, неразбавленного вина из древнего глиняного кувшина, привезенного по суше и морю с виноградников греков, и размешала смесь палочкой из ясеня с вырезанными на ней рунами.

– Услышь меня, дух этой земли, веттир корней и деревьев, – сказала она, поднимая раствор над участком голой земли. – Я прошу твоей помощи. Выходи. Отведай вина Гуннледа, давай поговорим.

Халла вылила половину зелья в землю и стала ждать.

Сначала ничего не произошло. Смесь вина и магических ингредиентов смочила почву; она скапливалась в лужах и текла от борозды к борозде, пока земля медленно не впитала её.

Халла наблюдала. Её брови сошлись в нетерпеливом хмуром взгляде. Она вылила ещё немного...

Вот! Бледное, извивающееся существо прорвалось сквозь слой почвы – похожее на червя, только волокнистое. Он искал влагу, рыская по суглинку, пока не добрался до пропитанной вином земли. За ним последовал ещё один. Потом ещё. Халла знала, кто это: корни деревьев.

– Да, – сказала троллиха. – Выходите, великие веттиры. Испейте.

Внезапно земля вокруг каменной плиты задрожала. Сотни корней – ясеня и дуба, ивы и рябины – вышли из земли. Они сплелись воедино, извиваясь и скрипя, потрескивая и трясясь, пока не обрели жуткую форму... гомункула, карлика, имеющего подобие человеческого облика, и подвешенного, как зародыш, на носилках из сплетенных корней. Халла углядела намёк на позвоночник, переплетённые корешки, которые напоминали ребра, узловатый, похожий на череп выступ на узких плечах. В подвале пахло сырой землёй и спелым вином, когда веттир открыл свои пустые глаза.

Он заговорил шёпотом листьев:

Зачем ты дразнишь нас, дочь Ярнвидьи?

Эта земля давно проклята;

И мы всегда будем жить в глубоком Мидгарде,

Пока Дракон не явится на зов хозяина.

– Мне нужна твоя помощь, великий веттир, – ответила Халла. Она поставила зелье на земле у края плиты. – И в дар предлагаю вино Гуннледа. Ты меня выслушаешь?

Кончики корней поползли по миске и впитали смесь вина и трав. Гомункул затрепал и покачнулся на своих носилках.

Говори.

– Ты чувствуешь перемены земли сквозь корни и деревья, брёвна и камни. Ты чувствуешь ветер на бесчисленных листьях и купаешься в дожде на бесчисленных ветках. Ты знаешь, что время Дракона близко. Это человеческое дитя... – Халла положила безвольную руку Дисы на землю, где её погладили тонкие корни. – Дочь Ворона. О ней говорится в пророчестве. Она День, что перетекает в Ночь. Но она ранена, великий веттир, смертельно ранена. Такое лечение мне не под силу. Ты можешь спасти её?

Последовала долгая тишина, разбавленная скрипом, вдохами и шорохом невидимых веток. Гомункул качался, будто его качал призрачный ветер. Когда он наконец заговорил, в его шелестящем голосе слышался треск осени и надвигающихся морозов.

Мы способны вылечить любые недуги,

Дитя троллей Мюрквида;

И мы хорошо помним древний договор

Между духами древа и камня.

Но от тебя несёт воню падали,

И в корне её – вечная ненависть;

Слишком долго была ты в тени Волка,

Которого вскоре усмирят.

Халла понимала нежелание веттира. Вражда между народом Гримнира и духами Мидгарда идёт уже слишком давно; скрелинги не чтит древние законы, не следовали древним требованиям. Люди могли списать это на незнание. А проклятые сыны Локи – нет.

– Она не имеет отношения к вражде, великий веттир, – сказала Халла. – Она не таит зла на ваш народ. Но важнее то, что после её смерти падём мы все. Топоры восхваляющих крест дойдут до всех корней и луковиц Древнего мира.

Ветки сгорят, сгорят и корни,

Даже камни превратятся в пепел;

Не горит лишь веретено судьбы,

Что крутят руки Урдов.

Даже среди веттиров всё было предсказано; каждую жизнь распределили норны, загадочные сёстры, что живут у корней Иггдрасиля; каждый триумф и каждое поражение было соткано ещё при рождении. Они знали больше, чем все в девяти мирах, даже Всеотец.

Загляни в свои нити, дочь Ярнвидьи,
Ты сама полна упрёков;
Грязь скрелинга испортила тебе зрение и слух,
Скрыла приближение гибели.

За заборами этого Мидгарда
Идёт тот, кто хочет забрать долг;
Серый Странник, древний чародей,
Чей глаз посчитал тебя врагом.

Такое открытие веттира поразило Халлу. Серый Странник – одно из тысяч имён Всеотца, его облик, когда он спускается в мир смертных, – идёт сюда, за ней?

– Но это невозможно, – сказала Халла. Её мутные глаза сузились. – Уже нет.

Она считала, что все началось с Пригвождённого Бога; божественное стало телесным, его приход, смерть и конечное влияние на Мидгард изменили старый порядок вещей. Поэтому пророчество было таким важным: господство Пригвождённого Бога душило мир, становилось перевязью на шее Мидгарда. Его воздействие уже дало плоды: магия, пропитавшая Древний мир, почти умерла; даже Дорога Пепла, те точки, где ветки Иггдрасиля пронзали завесу между мирами, засохли и умерли. Без этих двух сил, без Дороги Пепла и магии, которая её питала, так называемые ложные боги больше не могли ходить по земле. Именно это имел в виду Гримнир, когда назвал Мидгард миром Пригвожденного Бога.

А что ещё хуже – Халла знала, что смерть магии означала для тех существ, которые жили только благодаря ей: такие существа, как она, Гримнир или даже этот веттир – существа, которые не прислушались к предвестникам рока и сбежали из Мидгарда, – были обречены существовать в тени. Они уменьшатся и станут просто насмешкой над прежней жизнью, пока их не поглотят безумие и вечная смерть. Или до тех пор, пока не сбудется пророчество и не наступит Рагнарёк и конец мира.

– Старые пути закрыты, – пробормотала она. – Даже для Серого Странника.

Старуха заморгала, а её брови хмуро и настороженно свелись.

– Если только... – сказала она, облизывая губы; её грудь сжала ледяная рука. – Если только он не выбрал себе сосуд для хамингьи?

Большинство людей переводили слово хамингья как удача. Но Халла знала, что всё не так просто. Это та часть личности, что включает в себя остроумие, меткость, врождённые навыки и силу; отдельная сущность, что живёт после смерти до тех пор, пока не родится достойный потомок с тем же именем или другой крови, которому была уготована слава. Хамингья была у всех – даже у владыки Асгарда. Если Всеотец избрал смертного, кому отдаст её, это самый великий дар, а ещё повод для беспокойства. Хамингья дарует своему носителю силы Всеотца; власть, которую тот может использовать, чтобы вмешаться в людские дела, руководить и формировать будущее Севера или же просто свести старые счёты.

«И если он идёт за мной, – подумала Халла, – я ставлю на последнее». Она снова задрожала, но взяла себя в руки.

– Я знаю, какая мне уготована судьба, – сказала она. – Так было всегда: мой народ вышел из чресл Имира, Первородного, первого и величайшего ледяного великана, убитого Одинем и его братьями. Камни под нашими ногами – это кости моих могущественных предков:

Из плоти Имира сотворили землю,

А океан – из его крови;

Из костей его – холмы, а из волос – деревья,

А череп его – небеса над головой.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Дорогу осилит идущий (лат.).

2

Перевод А. И. Корсуна.

Купить: https://telnovel.com/oden_skott/sumerki-bogov

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)